801-13
1803
79
193
61
192
ПОГАШЕНО

ВОПРОСЫ КОЛОНИЗАЦІИ.

ПЕРІОДИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ.

подъ редакціей

Г. Ф. Чиркина и Н. А. Гаврилова.

Цѣна 2 рубля.

№ 4.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
С.-Петербургскій книжный магазинъ „Учебное Дѣло".
СПБ. Петербургская стор., Большой пр., д. 6.

Оглавленіе.

	Стр.
Россія въ Средней Азіи. *Г. Логановъ*	1
Основныя положенія землеустройства киргизъ въ Акмолинской области. *П. Новоселовъ.*	77
О колонизаціонномъ значеніи Семирѣчья. *С. Велецкій*	91
Къ вопросу объ использованіи лѣтовочнаго пространства № 3 въ Кокчетавскомъ уѣздѣ, Акмолинской области. *А. Ярмошъ.*	103
Переселеніе на Дальній Востокъ за послѣдніе годы. *И. Введенскій*	112
Упорядоченіе воднаго хозяйства въ связи съ колонизаціей орошаемыхъ площадей. *Н. Синельниковъ*	134
Къ вопросу о колонизаціи острова Сахалина. *И. Введенскій*	163
Экономическое положеніе переселенцевъ, водворившихся въ Чимкентскомъ уѣздѣ, Сыръ-Дарьинской области. *П. Скрыплевъ*	168
Къ вопросу о заселеніи южныхъ уѣздовъ Семипалатинской области. *Г.*	188
Переселенческое дѣло въ Сибири. Оффиціальная записка, составленная чиновникомъ особыхъ порученій. *Д. Флексоромъ*	206
Хронина: Результаты дѣятельности переселенческихъ организацій по отводу земель и водворенію переселенцевъ въ 1908 г. — Почвенно-ботаническія изслѣдованія колонизаціонныхъ пространствъ Зауралья въ 1908 г. — Смѣта Переселенческаго Управленія на 1909 г. — Поземельное устройство въ Сибири. — Землеустройство киргизъ. — Командировка, по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію, на Дальній Востокъ Товарища Главноуправляющаго Землеустройствомъ и Земледѣліемъ, Сенатора Б. Е. Иваницкаго. — Совѣщанія по переселенческому дѣлу въ Переселенческомъ Управленіи.	334
Библіографія	361

Россія въ Средней Азіи.

I.

Наиболѣе цѣнныя области Туркестана—Самаркандскую и Ферганскую—въ теченіе многихъ вѣковъ занимали самыя различныя племена, періодически смѣняя другъ друга. Области эти лежали на пути оживленныхъ, существовавшихъ уже съ древнѣйшихъ временъ торговыхъ сношеній отдаленнѣйшихъ мѣстностей восточной Азіи съ западною Европой,—ясно отсюда, что онѣ всегда были подъ пятою завоевателей и переходили каждое столѣтіе изъ рукъ въ руки. Населеніе неоднократно подвергалось избіенію. Словомъ, въ мирныхъ и тихихъ, повидимому, долинахъ безпрерывно состязались орды безжалостнѣйшихъ всемірныхъ завоевателей, какіе только извѣстны въ исторіи. Впрочемъ, и междоусобныя брани не уступали ни въ чемъ натискамъ извнѣ въ отношеніи силы уничтоженія и разрушенія.

Послѣдній ханъ коканскій Худояръ, самостоятельно принявшій въ 1850 г. правленіе въ свои руки, былъ игрушкою главныхъ партій страны. Верхъ одерживали то сарты, то опять узбеки вмѣстѣ съ кипчаками, изъ близкихъ ему людей. О царившемъ въ его странѣ ужасѣ мы можемъ составить понятіе по слѣдующему факту. На третій годъ своего управленія государствомъ ханъ приказалъ умертвить 20.000 своихъ подданныхъ изъ племени кипчаковъ. Это было лишь повтореніемъ злодѣянія, совершеннаго ранѣе: разсказываютъ, что изъ череповъ убитыхъ, тоже въ числѣ 20.000 человѣкъ, была сложена пирамида.

Ханъ Худояръ самымъ постыднымъ образомъ трижды бѣгалъ изъ своей страны въ Бухару и Россію, такъ какъ

поданные его не въ силахъ были выносить его утѣсненій и непомѣрной алчности.

Съ водвореніемъ русскаго господства въ Туркестанѣ положеніе рѣзко измѣнилось. Ужасы былого отошли въ область преданія. Наше владычество въ краѣ дало покореннымъ народамъ безопасность жизни и имущества, паровые пути сообщенія, болѣе культурныя условія гражданскаго быта и способствовало развитію народнаго богатства. Призваніе наше быть носителями культуры въ Азіи—отчасти выполнено, но благополучіе Туркестана не дешево стоитъ русскому народу.

Въ 1884 году, когда разсматривался проектъ туркестанскаго положенія, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Д. Толстой писалъ военному министру: „Туркестанскій край представляетъ собой рѣдкій въ исторіи примѣръ колоніи, существующей на счетъ метрополіи. По причинѣ неустроенности положенія податной и вообще финансовой части, расходы по управленію краемъ не покрываются мѣстными доходами и требуютъ ежегодно значительныхъ приплатъ изъ государственнаго казначейства, на которыя въ теченіе минувшихъ 19 лѣтъ израсходовано уже около 100 милліоновъ рублей въ ущербъ насущнымъ потребностямъ коренного населенія Имперіи".

Съ годами положеніе это не измѣнилось къ лучшему и пятнадцать лѣтъ спустя, внося въ Государственный Совѣтъ проектъ измѣненія нѣкоторыхъ статей туркестанскаго положенія, гр. Витте могъ лишь подтвердить слова графа Толстого.

„Бюджеты Туркестанскаго края,—писалъ онъ,—до сихъ поръ сводятся съ ежегодными дефицитами, достигающими даже въ послѣдніе годы 2—4 мил. рублей. Со времени учрежденія туркестанской казенной палаты, т.-е. съ 1869 г. по 1886 г., когда было издано положеніе объ управленіи края, расходы по краю превысили доходы на 100.856.465 р. 15 к., а за 10 лѣтъ, съ 1887 г. по 1896 г., сумма эта возрасла еще на 31.224.108 р. 01 к., достигнувъ, такимъ образомъ, къ 1897 г. 132.080.573 р. 16 к. Ежегодныя значительныя приплаты казны въ Туркестанскомъ краѣ, при той степени экономическаго благосостоянія, которой достигло мѣстное населеніе за время

русскаго управленія, должны быть признаны явленіемъ ненормальнымъ".

Пять областей Туркестана въ общей сложности составляютъ около 155 милліоновъ десятинъ съ населеніемъ въ 5.300.000 человѣкъ. При этомъ лишь въ одномъ Семирѣчьѣ русскіе составляютъ до 15 процентовъ всего населенія, въ Сыръ-Дарьинской области процентъ русскаго населенія падаетъ уже до 3,5 проц., въ остальныхъ же трехъ областяхъ Туркестана русскіе жители составляютъ отъ 1,5 до 0,4 проц. общаго числа населенія. Абсолютная же численность русскаго населенія въ пяти областяхъ Средней Азіи равна 250.000 человѣкъ. Таковы результаты нашего господства на дальней окраинѣ. Къ настоящему времени Туркестанъ намъ уже стоитъ свыше 160 мил. рублей, не считая затратъ на завоеваніе края и громадныхъ капиталовъ, вложенныхъ въ постройку желѣзныхъ дорогъ въ немъ. Можемъ-ли мы оставлять безъ русскаго населенія громадныя территоріи, когда есть полное основаніе опасаться, что наши друзья и доброжелатели готовятъ намъ съ юга новыя бѣды? Есть-ли основаніе, наконецъ, долѣе терпѣть, чтобы богатая окраина жила на счетъ обнищавшаго русскаго народа? Экономическое развитіе самого Туркестана требуетъ коренного измѣненія его быта: для расширенія важнѣйшей отрасли народнаго труда—хлопководства—уже не хватаетъ въ краѣ рабочихъ рукъ.

Земля навсегда останется основой жизни народа и государства. Еще Достоевскій много разъ повторялъ это. „По моему,—говорилъ онъ,—порядокъ—въ землѣ и изъ земли, и это вездѣ, во всемъ человѣчествѣ". Горькимъ опытомъ мы убѣдились въ этой истинѣ на самихъ себѣ: небреженіе къ великому дѣлу землеустройства довело нашъ народъ до крайнихъ предѣловъ оскудѣнія. Примѣръ Туркестана намъ подтвердитъ еще разъ, что при хаосѣ въ земельныхъ отношеніяхъ развитіе экономической жизни невозможно.

Занявъ край, мы рѣшили оставить за туземнымъ населеніемъ тѣ права на землю, которыми оно раньше пользовалось. Этого требовали и достоинство и выгода Россіи. И дальнѣйшая наша земельная политика въ краѣ необходимо должна имѣть въ виду устройство быта мѣстныхъ инородцевъ. Однако

при поземельномъ устройствѣ туземнаго населенія были несомнѣнно допущены неправильности. Неясность, неопредѣленность и явная неудовлетворительность правилъ о поземельномъ устройствѣ даетъ возможность чуть-ли не каждому поземельно-податному коммисару вести свою собственную земельную политику.

Въ какомъ же положеніи находится теперь земельный вопросъ въ Туркестанѣ?

II.

Главная масса земель въ краѣ состоитъ въ пользованіи кочевниковъ, такъ что во владѣніи осѣдлаго населенія находится пока не болѣе 3 мил. десятинъ. Незавершенное еще устройство осѣдлаго населенія, а также необходимо предстоящій въ будущемъ переходъ кочевниковъ къ земледѣльческому быту, обязываетъ съ особымъ вниманіемъ отнестись къ тому, что уже сдѣлано и дѣлается въ Туркестанѣ для землеустройства. Это спасетъ насъ отъ ошибокъ, которыя легко въ такомъ дѣлѣ могутъ стать непоправимыми.

Въ 1880 г., для введенія въ дѣйствіе постановленій объ общественномъ, податномъ и поземельномъ устройствѣ, въ Ферганской области были учреждены организаціонные коммисары, организаціонныя комиссіи и областное организаціонное присутствіе. Эти учрежденія были переведены впослѣдствіи и въ Ташкентскій уѣздъ Сыръ-Дарьинской области.

Уѣздъ раздѣлялся для организаціи на участки и въ каждый участокъ назначался одинъ организаціонный коммисаръ. Къ дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію коммисаровъ, было отнесено устройство общественнаго управленія, распредѣленіе земель по установленнымъ разрядамъ, составленіе оброчныхъ разсчетовъ, повѣрка правъ населенія на земли и описаніе свободныхъ казенныхъ земель.

Организаціонныхъ комиссій, являвшихся посредствующимъ звеномъ между коммисарами и областными присутствіями, учреждено было 4.

На областное организаціонное присутствіе было возложено:

1) утвержденіе всѣхъ оброчныхъ разсчетовъ и разсмотрѣніе жалобъ на разсчетъ организаціонныхъ комиссій,

2) выдача оброчныхъ табелей,

3) разсмотрѣніе и утвержденіе тѣхъ актовъ, въ коихъ будутъ заключаться постановленія организаціонныхъ коммисаровъ по повѣркѣ земельныхъ правъ населенія и

4) составленіе и выдача населенію владѣнныхъ записей на землю.

Организаціонными учрежденіями были обмежеваны, сняты на планъ и закрѣплены за осѣдлымъ населеніемъ всѣ земли, находившіяся въ то время въ его владѣніи, были образованы казенно-оброчныя статьи, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были обмежеваны даже культурныя земли кочевниковъ. Такимъ образомъ, трудами организаціоныхъ комиссій были обмежеваны всѣ земли, находившіяся во владѣніи осѣдлаго туземнаго населенія, всѣмъ этимъ землямъ составлены планы и описанія и исчисленъ причитающійся съ нихъ государственный налогъ. Всѣ оставшіяся отъ произведеннаго замежеванія земли, въ огромномъ количествѣ, остались свободными отъ всякихъ претензій и составили казенное имущество, получившее названіе „свободныхъ государственныхъ земель“ (ст. 257 Турк. Пол.).

Въ такомъ положеніи дѣло находилось въ теченіе 7 лѣтъ и никакихъ споровъ или претензій на казенныя земли не поступало. Затѣмъ, въ 1887 году, въ виду происшедшихъ перемѣнъ въ сельско-хозяйственной промышленности и подъема экономическаго положенія населенія, было рѣшено произвести разслѣдованіе и переоцѣнку всѣхъ земель въ краѣ для исчисленія болѣе правильнаго поземельнаго налога. Съ этой цѣлью были учреждены поземельно-податныя комиссіи, въ руководство которымъ были изданы правила, вошедшія въ Положеніе объ управленіи Туркестанскаго края 12 Іюня 1886 года.

На основаніи этихъ правилъ въ каждой области устройство поземельно-податной части возлагается на областное правленіе, поземельно-податную комиссію и поземельно-податныхъ коммисаровъ, при участіи начальниковъ съемочныхъ отдѣленій и землемѣровъ.

Уѣздъ, изслѣдуемый въ поземельно-податномъ отношеніи, раздѣляется на участки и въ каждый изъ такихъ участковъ

назначается поземельно-податной коммисаръ и начальникъ съемочной партіи, а также нужное число землемѣровъ. Поземельно-податная комиссія состоитъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго начальника, изъ податныхъ инспекторовъ, всѣхъ поземельно-податныхъ коммисаровъ уѣзда, завѣдывающихъ съемкою въ уѣздѣ и участковыхъ приставовъ, завѣдывающихъ государственными имуществами. Подчинены были комиссіи областнымъ правленіямъ, а общее направленіе работъ по веденію поземельно-податного устройства въ краѣ и высшій надзоръ за движеніемъ этого дѣла были ввѣрены генералъ-губернатору.

Основаніемъ для опредѣленія правъ осѣдлаго туземнаго населенія на пользованіе землею въ Туркестанѣ служитъ ст. 255-я Турк. Пол., которая гласитъ, что „за осѣдлымъ сельскимъ населеніемъ утверждаются земли, состоящія въ постоянномъ, потомственномъ его владѣніи, пользованіи и распоряженіи". Казалось бы, планы и акты, выданные въ первой организаціонной комиссіи, должны были бы служить главнымъ доказательствомъ права на владѣніе. Вѣдь, если при первой организаціи на какія-либо земли не было заявлено правъ, а заявлены они были впослѣдствіи, то такое владѣніе не можетъ считаться постояннымъ и потомственнымъ.

Между тѣмъ, поземельно-податныя учрежденія нашли болѣе правильнымъ совершенно игнорировать данныя организаціонной комиссіи и статью 255 Турк. Полож. толковали такимъ образомъ, что одно лишь временное пользованіе пастбищами на казенныхъ земляхъ или разрѣшаемый въ извѣстные періоды сборъ камня, песку и степного топлива уже признавались доказательствомъ владѣнія. Затѣмъ, 10 іюня 1900 г., въ законодательномъ порядкѣ было разъяснено, что „на основаніи ст. 255 Турк. Пол. утвержденію за осѣдлымъ населеніемъ областей Самаркандской, Ферганской и Сыръ-Дарьинской подлежатъ всѣ состоящія въ постоянномъ потомственномъ владѣніи, пользованіи и распоряженіи сего населенія земли какъ искусственно орошаемыя, такъ и орошаемыя атмосферною влагою (богарныя), а равно земли необрабатываемыя". Такое разъясненіе дало возможность придать еще болѣе широкое толкованіе правамъ туземцевъ. Упустивъ изъ виду

слова „состоящія въ постоянномъ потомственномъ владѣніи", стали примѣнять и ко всѣмъ остальнымъ свободнымъ государственнымъ землямъ ту же систему, которая была усвоена относительно культурныхъ земель, т.-е. замежевали за населеніемъ всѣ земли по его заявленіямъ. Такимъ образомъ, кишлаки, получившіе уже въ надѣлъ культурной земли 200 дес. на 15—20 дворовъ, предъявляли требованіе и получали въ добавочную нарѣзку тысячи десятинъ земли подъ видомъ выгона, хотя они никогда за ними не состояли, а эксплоатировались сборомъ топлива въ разрѣшаемое время. Составляя государственную собственность, подобныя земли оберегались до ихъ передачи туземцамъ казенной лѣсной стражей.

При первоначальныхъ поземельно-податныхъ работахъ, боясь тяготы обложенія, населеніе заявляло притязанія лишь на земли дѣйствительно находящіяся въ его постоянномъ пользованіи и отъ ненужныхъ ему участковъ отказывалось, не признавало, значитъ, ихъ состоящими въ своемъ владѣніи. Эти земли, получившія названіе „отказныхъ", уже однимъ фактомъ непризнанія ихъ населеніемъ своими должны были, очевидно, поступить въ разрядъ земель единственнаго владѣнія казны. Но когда мѣстные жители хорошо ознакомились съ легкостью русскихъ налоговъ, а проведеніе дорогъ и вообще измѣнившіяся экономическія условія чрезвычайно подняли цѣну на землю, то туземное населеніе стало заявлять свои права на все, что только было можно. А тутъ, какъ не надо болѣе кстати подоспѣлъ законъ 10 іюня 1900 г., и земли отказныя стали широко замежевываться за туземцами.

Ревностному зачисленію за мѣстнымъ населеніемъ государственныхъ земель весьма способствовала удивительная статья 8 Правилъ о введеніи поземельно-податного устройства, которая гласитъ, что „земли описываются и снимаются на планъ на основаніи показаній владѣльцевъ оныхъ и смежныхъ недвижимостей". Однако, статья эта не примѣнялась къ государственнымъ землямъ.

Дѣло въ томъ, что въ инструкціи совершенно было упущено, что представителями казенныхъ интересовъ при поземельно-податныхъ работахъ въ краѣ должны были явиться лѣсничіе, завѣдывающіе государственными лѣсами. Это упу-

щеніе привело къ тому, что при производствѣ работъ по границамъ лѣсничествъ не признавали нужнымъ оповѣщать о томъ лѣсничихъ и приглашать ихъ для указаній и обхода государственныхъ лѣсовъ. Въ такихъ случаяхъ чины поземельно-податныхъ комиссій считали достаточными указанія туземцевъ на границы земель, которыя они признавали принадлежащими имъ на правѣ собственности. Для полноты картины слѣдуетъ добавить, что завѣдывающіе государственными имуществами въ уѣздахъ, высказывая свои мнѣнія въ поземельно-податныхъ комиссіяхъ по вопросамъ излишняго замежеванія земель за туземнымъ населеніемъ, обычно оставались въ меньшинствѣ, такъ какъ подавляющее число голосовъ составляли сами коммисары и уѣздный начальникъ.

По этому поводу академикъ Миддендорфъ, посѣтившій край въ 1878 году, считалъ необходимымъ сдѣлать предостереженіе власти. „Хотя не на всѣхъ пустошахъ можно заложить новыя ирригаціи,—писалъ онъ въ своемъ превосходномъ трудѣ „Очерки Ферганской долины“,—но все же ясно, что раздача ихъ слишкомъ щедрой рукой общинамъ и кочевымъ ордамъ, какъ это дѣлается въ Туркестанѣ, лишаетъ государство въ будущемъ цѣнностей, которыя ему могли бы пригодиться. Эти пустошныя земли не равнозначущи европейскимъ: значительная часть ихъ можетъ со временемъ послужить для культуры. Въ этомъ отношеніи онѣ, слѣдовательно, должны быть достояніемъ грядущихъ временъ и государство должно удержать такія земли за собой, какъ свою собственность, для временной отдачи ихъ въ любое пользованіе, пока онѣ не получатъ другого употребленія. Не далеко то время, когда эти общинныя пастбища послужатъ главнымъ препятствіемъ расширенію интенсивнаго полеводства“ (стр. 466).

Четверть вѣка спустя, командированный въ Туркестанъ г. А. Кауфманъ, писалъ по поводу осуществленія закона 10 іюня 1900 года: „фактически за осѣдлымъ населеніемъ закрѣпляется при дополнительныхъ поземельно-податныхъ работахъ все то, на что оно только заявитъ свои права,—и въ распоряженіи правительства по окончаніи дополнительныхъ работъ останутся лишь такія пространства, на которыя никто изъ осѣдлаго населенія не пожелалъ заявить никакихъ притязаній“. Такое печальное положеніе дѣла заставило автора предложить рядъ мѣръ для его упорядоченія. Такъ, онъ полагалъ необходимымъ привлечь къ непосредственному участію въ работѣ на мѣстахъ представителя казеннаго земельнаго управленія, который принималъ бы непосредственное участіе въ повѣркѣ заявленій населенія о состоящихъ въ его владѣніи угодьяхъ, затѣмъ, установить опредѣленныя правила относительно укрѣпленія черезполосныхъ—съ необработанными-богарныхъ земель и, наконецъ, требовать болѣе опредѣленныхъ доказательствъ постояннаго владѣнія и пользованія, чѣмъ тѣ, которыми довольствуются поземельно-податныя комиссіи. „Однако,—заканчиваетъ г. Кауфманъ,—на совѣщаніи, состоявшемся подъ личнымъ предсѣдательствомъ г. Туркестанскаго Генералъ-Губернатора, мои соображенія не встрѣтили никакой поддержки“. (Къ вопр. о рус. колон. Турк., стр. 205). Между тѣмъ, годомъ раньше этотъ же самый генералъ-губернаторъ, разсматривая дѣло о неправильномъ замежеваніи за селеніями Александровской волости, Ташкентскаго уѣзда, нѣсколькихъ тысячъ десятинъ казеннаго лѣса, положилъ резолюцію: „вопросъ серьезный, легкомысленнымъ отношеніемъ къ работамъ организаціи 1891 года мы какъ бы закрѣпили за населеніемъ земли и лѣса, которые ему не долженствовали бы принадлежать“.

Чтобы стало ясно, какъ тяжекъ тотъ ущербъ, который причиняется этимъ государству, нелишнимъ будетъ привести нѣсколько примѣровъ.

1) Послѣ поземельно-податныхъ работъ въ Махрамской волости, Коканскаго уѣзда, во владѣніи казны остались лѣсистые острова на р. Сырь-Дарьѣ, носящіе наименованіе Махрамскихъ. Лѣсъ на этихъ островахъ выросъ подъ охраной лѣсныхъ объѣздчиковъ, которые охраняли эти острова, однако при дополнительныхъ работахъ поземельно-податной комиссіи часть Махрамскихъ острововъ прирѣзана къ землямъ сельскаго общества Махрамъ.

2) Тому же сельскому обществу прирѣзана значительная площадь степи въ мѣстности Твакъ у поворота Сыръ-Дарьи съ сѣверо-запада на юго-востокъ у Гумбаза-Маруфъ. Въ 1881 году въ этой мѣстности, на отмели Твакъ, на площади

16 десятинъ была произведена посадка таловыхъ кольевъ, въ цѣляхъ укрупленія песковъ, которые во время сильныхъ и частыхъ здѣсь юго-западныхъ вѣтровъ уносятся внутрь страны и засыпаютъ тамъ культурныя земли. Мѣстность эта, не вошедшая въ надѣлъ туземцевъ какъ при работахъ организаціонной комиссіи, такъ и при послѣдующихъ работахъ поземельно-податной комиссіи, производившихся до 1900 года, оставалась свободною и состояла въ распоряженіи административныхъ управленій подъ охраной лѣсныхъ объѣздчиковъ.

3) При первоначальномъ устройствѣ сельскихъ обществъ въ Базаръ-Курганской волости, Андижанскаго уѣзда, въ ущельяхъ Шайданъ и Селтъ-Казы населенію были отведены всѣ тѣ поливныя, богарныя и неудобныя земли, на которыя это населеніе предъявило тогда права. Тѣмъ не мѣнѣе при дополнительныхъ работахъ туземцамъ были сдѣланы новыя прирѣзки государственныхъ земель и въ томъ числѣ часть устроенной лѣсной Базаръ-Курганской дачи, съ молодымъ лиственнымъ лѣсомъ, хозяйственными угодьями (богарными землями), приносившими казнѣ доходъ, и участками цѣннаго орѣховаго насажденія, входящаго въ планъ лѣсного хозяйства.

4) При организаціонныхъ работахъ въ 1880—1884 гг. въ Балыкчинской волости, Андижанскаго уѣзда, въ смежности съ землями нѣсколькихъ обществъ, образовался участокъ площадью въ 7125 десятинъ никому изъ осѣдлыхъ жителей не принадлежавшей земли. Часть этого участка сдавалась администраціей въ аренду, но такъ какъ мѣстные жители возбудили вопросъ объ отводѣ имъ этой земли въ надѣлъ, то дѣло пошло по инстанціямъ и доходило до Совѣта Генералъ-Губернатора, который въ 1888 году призналъ участокъ казеннымъ и постановилъ сдавать его въ видѣ оброчной статьи съ торговъ. Нѣкоторое время спустя, въ Балыкчинской волости производились поземельно-податныя работы, и восточная половина казеннаго участка была замежевана за мѣстнымъ населеніемъ. Въ этотъ надѣлъ, близъ селенія Бостонъ, вошла и часть камышеваго болота, составлявшаго ранѣе безспорную казенную оброчную статью. Дѣло опять доходило до Совѣта Генералъ-Губернатора, который въ 1894 г. опредѣлилъ: „Земли

урочища Бузъ, признанныя уже государственными, не подлежатъ утвержденію за населеніемъ, но должны быть обращены въ земельную оброчную статью, каковая и подлежитъ сдачѣ въ аренду по существующимъ правиламъ, и притомъ на короткій срокъ, дабы отдачей земель въ продолжительное пользованіе населенію не создать затрудненій въ пользованіи ими, когда явится надобность въ нихъ для колонизаціонныхъ цѣлей".

Между тѣмъ къ этой оброчной статьѣ примкнулъ участокъ земли, площадью до 12.000 десятинъ, отъ котораго населеніе отказалось при производившихся въ то же время поземельно-податныхъ работахъ. Послѣ этого земли Балыкчинской степи получили общее наименованіе казеннаго урочища Бузъ, и въ части этой степи, составившейся изъ отказныхъ земель, было образовано три оброчныхъ статьи. Затѣмъ, послѣ 1900 г., восточная часть Балыкчинской степи, въ томъ числѣ и отказныя земли, была замежевана за мѣстнымъ населеніемъ.

5) Въ Ичкилинской волости, Скобелевскаго уѣзда, предназначена прирѣзкѣ населенію этой волости почти вся площадь устроенной лѣсной Апширской дачи, хозяйственный планъ которой былъ утвержденъ генералъ-губернаторомъ въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ 11.500 дес. изъ имѣющейся тамъ лѣсной площади въ 20.000 слишкомъ десятинъ. Кромѣ этой дачи, тому же населенію предоставляется еще 80.000 десятинъ въ предгорьяхъ между оазисами Караванъ и Ханаватъ. Мѣстный лѣсничій, при производствѣ работъ, не приглашался къ обходу границъ лѣсныхъ участковъ, составляющихъ Апширскую дачу, и отводы дѣлались исключительно по указаніямъ уполномоченныхъ отъ населенія. А между тѣмъ имѣющіеся планы лѣсоустройства дачи настолько подробны, что можно безъ труда установить по мѣстнымъ признакамъ границы всѣхъ лѣсныхъ участковъ, составляющихъ дачу.

Особаго вниманія заслуживаютъ неправильныя замежеванія земель за кочевымъ населеніемъ. Государственныя земли по закону могутъ быть утверждаемы лишь за осѣдлымъ населеніемъ, такъ что для укрѣпленія земли за кочевниками, надо сначала перевести ихъ на осѣдлый бытъ, и для этого указанъ въ законѣ особый путь.

Особыя поземельно-податныя присутствія наблюдаютъ за переходомъ кочевниковъ къ осѣдлому быту и, испросивъ установленнымъ порядкомъ разрѣшеніе генералъ-губернатора, составляютъ предположенія объ утвержденіи за кочевниками занятыхъ ими земель и обложеніи ихъ государственнымъ поземельнымъ налогомъ. Затѣмъ, эти предположенія представляются поземельно-податнымъ присутствіемъ въ Областное Правленіе и, съ заключеніемъ послѣдняго, восходятъ на утвержденіе генералъ-губернатора. Съ переходомъ кочевниковъ къ осѣдлому быту, обрабатываемыя ими земли утверждаются за ними въ томъ же порядкѣ, въ которомъ происходитъ укрѣпленіе земель за осѣдлымъ населеніемъ. Ближайшее опредѣленіе этихъ земель производится на основаніи подробныхъ по каждому аульному обществу изслѣдованію о томъ, насколько земледѣльческій бытъ такого общества можетъ считаться упроченнымъ. Такимъ образомъ, за переходящими къ осѣдлому быту кочевниками ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть укрѣпляемы земли, ими необрабатываемыя.

Однако, поземельно податныя присутствія совершенно лишены возможности, по отсутствію необходимыхъ для того средствъ, производить требуемыя закономъ изслѣдованія, и до сихъ поръ не было ни одного случая, чтобы они перевели на осѣдлый бытъ хотя одно кочевое общество.

Между тѣмъ, извѣстно, что государственныя земли укрѣпляются иногда за кочевниками и безъ предварительнаго перевода ихъ въ осѣдлое состояніе. Въ этомъ отношеніи особенно интересно дѣло объ утвержденіи поземельно-податныхъ разсчетовъ въ шести волостяхъ Ходжентскаго уѣзда, Самаркандской области, Гулякандавской, Исфакейской, Наусской, Унджинской, Шахристанской и Чапкулукской. Въ числѣ другихъ недостатковъ этихъ разсчетовъ Казенною Палатою было установлено также и отсутствіе указанія, куда дѣвались кочевники, проживавшіе въ этихъ волостяхъ и платившіе до того кибиточную подать, которая служитъ доказательствомъ принадлежности ея плательщиковъ къ числу кочевниковъ. Дѣло обсуждалось Совѣтомъ Генералъ-Губернатора, который постановилъ запросить военнаго губернатора области о томъ, переведены-ли на осѣдлое положеніе кочевники волостей Исфакейской, Наусской, Шахристанской и Чапкулукской. Въ отвѣтъ на это губернаторъ сообщилъ, что поземельно-податныя работы въ указанныхъ волостяхъ произведены на земляхъ населенія, платившаго поземельную подать, каковымъ оказалось все населеніе названныхъ волостей. То же населеніе уплачивало и кибиточную подать, причемъ губернаторъ добавилъ, что о сложеніи ея будетъ сдѣлано представленіе по утвержденіи поземельно-податныхъ разсчетовъ. Послѣ этого податные разсчеты были утверждены и, слѣдовательно, государственныя земли были закрѣплены за населеніемъ. При этомъ оказалось, что въ Наусской волости за селеніями Беговатъ и Сегизъ-Сары были замежеваны земли подъ ирригаціонными сооруженіями Великаго Князя Николая Константиновича, которыя были въ 1899 году приняты въ казну по Высочайшему повелѣнію за вознагражденіе Его Высочества въ размѣрѣ 340 тысячъ рублей. А въ Исфакейской волости въ площадь земель, замежеванныхъ за кочевниками, вошли отводы и заявочныя площади на каменный уголь.

Достойно вниманія также и слѣдующее дѣло. Въ 1906 году, 14 Марта, Ферганское Областное Правленіе сдѣлало опредѣленіе по поводу рапорта поземельно-податного коммисара Дунина-Барковскаго, указавшаго на то, что въ Узгентской волости, Андижанскаго уѣзда, замежевываются земли за кочевымъ населеніемъ. При этомъ г. Дунинъ-Барковскій добавлялъ, что въ случаѣ утвержденія земель въ порядкѣ статьи 255 за населеніемъ Узгентской волости, у нея получится явный избытокъ земельной собственности. Въ этомъ случаѣ, въ среднемъ пришлось бы на дворъ до 25 десятинъ годной къ обработкѣ земли, а въ отдѣльныхъ селеніяхъ, какъ напримѣръ, Семискулъ, Сасыкъ, Секелекъ, Кульдукъ, Адырь—до 100 десятинъ на дворъ. Между тѣмъ, если бы были соблюдены при переводѣ кочевниковъ на осѣдлое положеніе требуемыя закономъ условія, то населеніе указанныхъ мѣстностей получило бы весьма щедрый и богатый надѣлъ—отъ 10 до 15 десятинъ прекрасной земли на дворъ.

Областное Правленіе нашло, что организаціонною комис-

сію часть населенія Узгентской волости была признана осѣдлой и обложена оброчной податью, а часть оставлена на кочевомъ положеніи съ обложеніемъ ея кибиточной податью. Затѣмъ, работами поземельно-податной комиссіи, производившимися въ Андижанскомъ уѣздѣ въ 1890—1893 гг., земледѣльческое хозяйство кочевниковъ Узгентской волости было признано настолько упрочившимся, что земли ихъ были сняты на планъ и обложены поземельнымъ налогомъ. Такимъ образомъ, остальная часть населенія волости, по мнѣнію Областного Правленія, была переведена на осѣдлое положеніе, почему и не представляется основаній къ лишенію этого населенія правъ на необрабатываемыя земли.

Приведенные примѣры наглядно показываютъ, какой вредъ въ Самаркандской и Ферганской областяхъ, а также въ Ташкентскомъ уѣздѣ, наносится государственному землевладѣнію поземельно-податнымъ устройствомъ осѣдлаго населенія. Поземельно податныя комиссіи, существуя уже двадцать лѣтъ, стоятъ въ общемъ громадныхъ денегъ—около 4 милліоновъ рублей въ одной лишь Ферганѣ,—а между тѣмъ поземельное устройство осѣдлаго населенія до сихъ поръ не завершено. Вредъ, наносимый этимъ государству, не исчерпывается однимъ лишь сокращеніемъ площади государственнаго землевладѣнія. Громадное значеніе для нашей горнопромышленности слишкомъ очевидно, чтобы надо было это доказывать. Достаточно сказать, что, оцѣнивъ все производимое и потребляемое у насъ земледѣльцами, мы получимъ на душу годового достатка не болѣе 50—60 рублей, тогда какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, если раздѣлить годовую цѣнность товаровъ, производимыхъ фабриками и заводами, то на каждаго жителя получится въ среднемъ около 350 р., не считая при этомъ ничего производимаго такими первичными промыслами, какъ сельское хозяйство, рыбная ловля и т. п., равно какъ и того, что даетъ непосредственно горная добыча.

Богатѣйшія области Туркестана, Самаркандская и Ферганская, прорѣзанныя притомъ желѣзной дорогой, таятъ въ своихъ нѣдрахъ громадныя богатства, какихъ мало въ другихъ странахъ. Добываніе и переработка этихъ горныхъ богатствъ могли бы дать и лѣтомъ и зимой громадные заработки массѣ

русскаго народа, но неопредѣленность правъ на землю затрудняетъ и парализуетъ развитіе горнаго дѣла.

Не менѣе тяжкій ущербъ поземельно-податными комиссіями наносится въ Туркестанѣ и государственному лѣсовладѣнію.

Сохраненіе лѣсовъ въ Туркестанѣ имѣетъ особо важное значеніе. На правильныя колебанія уровня и расхода воды въ рѣкахъ Туркестана громадное значеніе имѣютъ горные лѣса, вообще чрезвычайно цѣнные въ безлѣсной странѣ. Хотя отъ истребленія горныхъ лѣсовъ общій запасъ воды въ рѣкахъ Туркестана, берущихъ начало изъ ледниковъ высокихъ горныхъ хребтовъ, можетъ и не уменьшиться, но зато на распредѣленіе воды въ рѣкахъ, въ особенности во время оросительнаго періода, совпадающаго съ таяніемъ снѣговъ въ горахъ, разрѣженіе или истребленіе лѣсовъ можетъ оказать весьма сильное вліяніе въ смыслѣ увеличенія колебаній уровня и расхода, вредно отзывающихся на состояніи оросительныхъ сооруженій, въ особенности такого примитивнаго характера, какъ туземныя.

На основаніи ст. 257 Туркестанскаго Положенія, „дикорастущіе лѣса на земляхъ, находящихся во владѣніи туземнаго населенія, признаются государственною собственностью“. Не совсѣмъ удачная редакція этой статьи не должна была бы, казалось, дать основаніе полагать, что указанною выше статьею 257 отмѣнено для Туркестана дѣйствіе общаго гражданскаго закона (ст. 387 т. X ч. I), по которому принадлежностью земли признаются всѣ произведенія, на поверхности земли обрѣтающіяся. Подъ словомъ лѣсъ нашъ законъ понимаетъ землю, покрытую древесными насажденіями. Между тѣмъ въ Туркестанѣ установилось другое отношеніе къ этому вопросу. Когда въ 1901 г. въ Самаркандской поземельно-податной комиссіи разсматривалось дѣло о замежеваніи за населеніемъ Кштутской волости около 3000 десятинъ арчеваго лѣса, то комиссія нашла возможнымъ утвердить за населеніемъ землю, на которой растетъ лѣсъ, а самый лѣсъ, или вѣрнѣе, деревья,—признать государственною собственностью, на основаніи ст. 257 Турк. Полож. Можно себѣ пред-

ставить, что станется съ государственными лѣсами при подобномъ толкованіи закона.

До настоящаго времени поземельно-податными комиссіями утверждено за населеніемъ въ Самаркандской области—1.365.000 десятинъ, въ Ферганской—812.000 десят. и въ Ташкентскомъ уѣздѣ Сыръ-Дарьинской области—829.000 десят. Кромѣ того, весьма значительныя пространства хотя и замежеваны за населеніемъ, но пока еще за нимъ не утверждены. Вся же площадь областей Туркестана составляетъ въ Самаркандской области свыше 6 милл. дес., Ферганской—12 милл. и Сыръ-Дарьинской—45 милл. десятинъ. Весьма значительная часть этихъ громадныхъ территорій по своимъ естественнымъ условіямъ совершенно непригодна для земледѣлія, однако, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что среди этихъ десятковъ милліоновъ десятинъ, занятыхъ крайне рѣдкимъ кочевымъ населеніемъ, нашлись бы громадныя пространства, которыя могли бы увеличить производительность русскаго народнаго труда.

III.

Въ Туркестанскомъ краѣ осѣдлое и кочевое населеніе имѣетъ неодинаковыя права на землю. Въ то время какъ осѣдлые жители имѣютъ безусловное право на закрѣпленіе за ними всѣхъ состоящихъ въ ихъ потомственномъ владѣніи, пользованіи и распоряженіи земель какъ обрабатываемыхъ, такъ и необрабатываемыхъ,—кочевники такихъ правъ не имѣютъ. Всѣ занятыя ими земли признаются, на основаніи ст. 270 Турк. Полож., государственными, предоставленными лишь въ ихъ общественное пользованіе. Даже переходъ къ осѣдлому быту не создаетъ для кочевниковъ тѣхъ правъ, какими пользуются осѣдлые жители, такъ какъ за ними при осѣданіи утверждаются лишь обрабатываемыя земли.

Въ Туркестанскомъ положеніи нѣтъ указаній на то, что излишнія для кочевниковъ земли поступаютъ въ распоряженіе правительства, и это упущеніе въ законѣ ставитъ неодолимое препятствіе заселенію края русскими людьми. Крайне медленный ходъ русской колонизаціи Туркестана обусловливается, главнымъ образомъ, отсутствіемъ въ непосредствен-

номъ распоряженіи казны земельнаго запаса, который могъ бы быть предназначенъ для образованія переселенческихъ участковъ. Тѣ земли, на которыхъ живутъ немногіе существующіе въ краѣ русскіе поселки, уступались кочевниками каждый разъ на основаніи особаго соглашенія съ мѣстной администраціей. А при такомъ положеніи дѣла водвореніе въ краѣ русскихъ поселенцевъ, естественно, не можетъ принять достаточно широкихъ размѣровъ. Выборъ земель подъ заселеніе зависитъ отъ степени уступчивости извѣстной группы кочевниковъ, а также отъ степени умѣнья и настойчивости подлежащаго представителя власти.

Земельные запасы, которые въ настоящее время состоятъ въ областяхъ Туркестанскаго края въ непосредственномъ распоряженіи правительства, крайне ограничены. Такими землями являются исключительно оброчныя статьи, но площадь ихъ ничтожна: въ Самаркандской и Ферганской областяхъ ихъ въ общей сложности всего нѣсколько тысячъ десятинъ. Со временемъ поступитъ въ полное и неограниченное распоряженіе государства еще нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ въ Голодной степи, на которыхъ производятся оросительныя работы распоряженіемъ и на средства правительства. Всѣ остальныя земли края, за исключеніемъ земель уже закрѣпленныхъ за осѣдлымъ населеніемъ по ст. 255 Турк. Пол., не разграничены между населеніемъ и казною. Нѣкоторая часть этихъ земель подлежитъ еще укрѣпленію за осѣдлымъ населеніемъ въ силу разъясненія ст. 255, даннаго закономъ 10 іюня 1900 г., все же остальное пространство края, за небольшими исключеніями, числится въ пользованіи кочевого населенія и могло бы быть использовано для нуждъ русской колонизаціи лишь послѣ нѣкотораго разверстанія земель между кочевниками и государствомъ.

Вопросъ о русской колонизаціи Туркестана пріобрѣлъ особое значеніе съ открытіемъ работъ по сооруженію Оренбургъ-Ташкентской желѣзной дороги, и еще въ Іюлѣ 1900 года ГОСУДАРЮ угодно было повелѣть дать надлежащій ходъ дѣлу объ устройствѣ русскихъ поселеній вдоль предрѣшеннаго въ то время направленія желѣзнодорожной линіи.

Исторія осуществленія этого Высочайшаго повелѣнія въ высшей степени интересна.

Прежде всего требовалось, конечно, хоть въ общихъ чертахъ познакомиться съ мѣстностью и въ 1902 году Министръ Земледѣлія вошелъ съ представленіемъ въ подготовительную комиссію при Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги о кредитахъ на изслѣдованіе Туркестанскаго края. Въ представленіи этомъ испрашивалась на 1903 годъ весьма ограниченная сумма на организацію экспедиціи небольшого состава, которая должна была въ теченіе перваго года произвести пробное изслѣдованіе въ нѣсколькихъ типичныхъ районахъ, а затѣмъ выработать основанія постановки какъ сплошного естественно-историческаго и хозяйственно-статистическаго изслѣдованія кочевниковъ и занятой ими территоріи, такъ и работъ по изслѣдованію воднаго хозяйства въ краѣ и возможности его дальнѣйшаго расширенія и развитія.

Однако, подготовительная комиссія прежде всего признала необходимымъ съ особой осторожностью отнестись къ интересамъ коренного населенія края, чтобы не затрагивать предоставленныхъ ему закономъ правъ на землю. При этомъ комиссія полагала, что, согласно смыслу дѣйствующихъ законовъ, инородческое населеніе Туркестана пользуется будто бы значительно большимъ правомъ на землю, чѣмъ такое же населеніе смежныхъ окраинъ.

При разсмотрѣніи дѣла въ Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги было высказано мнѣніе, что при присоединеніи къ Россіи Туркестана, для успокоенія мѣстнаго населенія, было обращено особое вниманіе на сохраненіе за туземцами, по возможности, всѣхъ тѣхъ правъ и льготъ, которыми они пользовались до перехода въ русское подданство. Поэтому и Комитетъ Сибирской дороги, согласно съ заключеніемъ подготовительной комиссіи, призналъ болѣе осторожнымъ отложить изслѣдованіе занятыхъ кочевниками земель впредь до выясненія въ законодательномъ порядкѣ возможности изъятія изъ пользованія киргизовъ излишнихъ для нихъ земельныхъ пространствъ. Послѣ этого Министру Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ было предоставлено войти съ представленіемъ для выясненія этого вопроса въ Государственный Совѣтъ.

Прошло еще два года, и въ 1904 году было внесено въ Государственный Совѣтъ представленіе о разъясненіи ст. 270 Туркестанскаго Положенія.

Въ этомъ представленіи указывалось прежде всего, что высказанныя въ Комитетѣ Сибирской дороги и въ подготовительной къ нему комиссіи сомнѣнія могутъ относиться исключительно къ осѣдлому, а никакъ не къ кочевому населенію края. Какъ при выработкѣ основныхъ узаконеній, опредѣляющихъ земельныя права осѣдлаго населенія Туркестанскаго края, въ 1886 году, такъ и при дополненіи ихъ въ 1900 году, Законодатель стремился въ возможно широкомъ объемѣ закрѣпить за туземцами все то, чѣмъ они владѣли, пользовались и распоряжались. Такимъ образомъ, по отношенію къ осѣдлому населенію, Туркестанское положеніе содержитъ правила, какихъ дѣйствительно нѣтъ въ Степномъ положеніи, правила, предоставляющія туземцамъ осѣдлаго разряда весьма широкія и твердыя права по землевладѣнію.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло по отношенію къ кочевому населенію. Комиссіи Тайнаго Совѣтника Гирса и графа Игнатьева, вырабатывавшія Туркестанское положеніе, вовсе не задавались цѣлью выяснить и выразить въ проектировавшемся законѣ исторически сложившіяся начала земельнаго права кочевниковъ. Обѣ комиссіи считали возможнымъ распространить на кочевниковъ Туркестанскаго края начала, уже дѣйствовавшія въ то время въ областяхъ сибирскихъ киргизовъ. Въ объяснительной запискѣ къ представленному въ Государственный Совѣтъ проекту Туркестанскаго положенія выражена та же мысль. „Опредѣленіе правъ землевладѣнія у кочевниковъ“, говорится въ этой запискѣ, „не представляетъ особыхъ затрудненій. Принимая во вниманіе, что кочевники Туркестанскаго края не отличаются отъ кочевниковъ Степныхъ областей, въ которыхъ поземельное устройство кочевого населенія на основаніи положенія 21 Октября 1868 года, какъ показалъ 15-лѣтній опытъ, разрѣшено успѣшно, и въ которыхъ кочевникамъ предоставлено право пользованія землей,—комиссія (графа Игнатьева) пришла къ за-

ключенію о необходимости примѣненія означенныхъ правилъ и къ кочевникамъ Туркестана, признавъ земли, занимаемыя кочевьями ихъ (лѣтовки и зимовыя стойбища) государственными, предоставленными въ общественное пользованіе кочевниковъ по обычаю".

Ясно, что при составленіи проекта положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ имѣлось въ виду не закрѣпить за кочевниками этого края какія-либо особыя, исторически сложившіяся земельныя права, а лишь предоставить имъ тѣ самыя права по землевладѣнію, какія ранѣе изданнымъ русскимъ закономъ были предоставлены кочевому населенію областей сибирскихъ киргизовъ. При этомъ не только не имѣлось въ виду навсегда закрѣпить за кочевымъ населеніемъ всѣ его кочевья, но, напротивъ, предусматривалась возможность использованія въ будущемъ занятыхъ киргизами земель для разныхъ государственныхъ надобностей и въ частности—для русской колонизаціи. Обсуждая вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли предоставлять туземцамъ Туркестана право собственности на занимаемыя ими земли, комиссіи т. с. Гирса и гр. Игнатьева высказали слѣдующія сужденія: „при переходѣ кочевниковъ, въ будущемъ, къ исключительно-осѣдлому образу жизни, когда на нихъ будутъ распространяться права, предоставленныя жителямъ селеній, предѣлы ихъ расположенія неизбѣжно должны значительно уменьшится, и масса земли сдѣлается лишнею, впустѣ лежащею, которой, при оставленіи ея въ распоряженіи государства, правительство можетъ дать болѣе правильное употребленіе, чѣмъ сами кочевники въ томъ случаѣ, если бы имъ было предоставлено право собственности на всю землю, занимаемую ими для кочевокъ".

Затѣмъ, послѣ обстоятельнаго обсужденія вопроса, комиссіею графа Игнатьева были выработаны между прочимъ ст. ст. 295 и 296 внесеннаго въ Государственный Совѣтъ проекта, согласно которымъ свободныя земли Туркестанскаго края, находящіяся въ распоряженіи правительства, имѣютъ преимущественнымъ назначеніемъ водвореніе на нихъ русскихъ поселенцевъ, причемъ русскія поселенія устраиваются безъ стѣсненія туземнаго населенія.

Не имѣя въ виду при заселеніи края пренебречь земельными нуждами и интересами кочевого населенія, проектъ комиссіи графа Игнатьева считалъ нужнымъ при этомъ сообразоваться не съ какими-либо незыблемо-прочными правами кочевниковъ, а исключительно съ надобностями ихъ скотоводческаго хозяйства. Слѣдовательно, составители проекта исходили не изъ юридическихъ, а изъ тѣхъ самыхъ чисто-хозяйственныхъ началъ, которыя лежатъ въ основѣ ограниченій, соблюдаемыхъ при использованіи для колонизаціонныхъ цѣлей излишнихъ земель кочевниковъ Степного края.

Государственный Совѣтъ вопроса о землевладѣніи кочевниковъ въ общихъ своихъ сужденіяхъ по проекту положенія совершенно не затрагивалъ,—изъ чего ясно, что Государственный Совѣтъ не встрѣтилъ возраженій противъ тѣхъ указанныхъ выше началъ, изъ которыхъ исходили комиссіи т. с. Гирса и гр. Игнатьева.

Такимъ образомъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, издавая Туркестанское положеніе, Законодатель вовсе не имѣлъ въ виду предоставлять кочевникамъ большихъ земельныхъ правъ, чѣмъ тѣ, которыя были предоставлены кочевому населенію областей сибирскихъ киргизовъ.

Законъ 12 Іюня 1886 г. лишь распространилъ на кочевниковъ Туркестана правила, уже дѣйствовавшія въ Степномъ краѣ и Тургайской области, причемъ въ виду Законодателя уже въ то время была возможность использованія извѣстной части земель, состоящихъ въ пользованіи кочевниковъ, для надобностей русской колонизаціи.

Имѣющая прямое отношеніе къ данному вопросу ст. 270 Турк. Полож. лишь воспроизводитъ содержаніе 119 и 120 статей Степного положенія. Отличительная особенность Туркестанскаго положенія, стѣсняющая въ настоящее время правительство въ распоряженіи государственными землями, предоставленными въ пользованіе кочевниковъ, сводится единственно къ отсутствію того примѣчанія, какое имѣется при ст. 120 положенія Степного.

Разъясненіе 270 ст. Турк. Пол. прямымъ указаніемъ на право государства распоряжаться излишками состоящихъ въ пользованіи кочевниковъ земель имѣетъ прецедентъ въ исто-

ріи узаконеній объ управленіи Степныхъ областей. Временное положеніе, дѣйствовавшее въ этихъ областяхъ въ теченіе 23 лѣтъ, не содержало никакого указанія на право правительства распоряжаться излишними землями, какъ не содержитъ такого указанія и Туркестанское положеніе 12 Іюня 1886 года. Примѣчаніе о принятіи излишнихъ земель въ вѣдѣніе Министерства Государственныхъ Имуществъ включено было въ Степное положеніе лишь при частичной его переработкѣ, въ 1891 году.

И если бы первоначальная редакція Туркестанскаго положенія вырабатывалась не раньше, а послѣ этой переработки, то въ него вошло бы также и примѣчаніе о правѣ казны распоряжаться излишними землями, какъ соотвѣтствующее сущности земельныхъ правъ кочевого населенія Туркестана.

И подумать только, что изъ-за случайности, изъ-за кодификаціоннаго упущенія, тормозится все дѣло колонизаціи громадной и богатой окраины государства!

Дальнѣйшимъ прецедентомъ для разъясненія ст. 270 Турк. Пол. можетъ служить сдѣланное уже измѣненіе статьи 258. По первоначальной редакціи этой статьи, „на земляхъ, принадлежащихъ государству, мѣстному населенію предоставлялось право пасти скотъ и собирать песокъ, глину и камень". Постановленіе это имѣло, такимъ образомъ, даже болѣе абсолютный характеръ, нежели 270 статья положенія: въ немъ упоминалось о правѣ населенія на извѣстные виды пользованія, тогда какъ въ 270 статьѣ это выраженіе не употребляется. Тѣмъ не менѣе, въ 1900 году, было признано вполнѣ возможнымъ измѣнить редакцію статьи 258, введя въ нее, взамѣнъ указанія на право населенія,—уполномочіе главной въ краѣ власти разрѣшать населенію извѣстные виды пользованія. Этимъ постановленіемъ допускается и право прекращать такое пользованіе, когда въ томъ окажется необходимость. При этомъ Соединенные Департаменты Государственнаго Совѣта признали, что, разрѣшая населенію пользованіе (пескомъ, камнемъ, глиной и колючкой), Законодатель вовсе не имѣлъ въ виду не допускать никакихъ ограниченій въ этомъ пользованіи. „Нѣтъ сомнѣнія", высказали Департаменты, „что въ тѣхъ случаяхъ, когда принадлежащія казнѣ

земли предназначены будутъ для какихъ-либо спеціальныхъ надобностей, какъ, напримѣръ, для водворенія переселенцевъ, образованія оброчныхъ статей и т. п., пользованіе населенія сими землями должно подвергнуться соотвѣтственному сокращенію".

Однако, дѣло о дополненіи статьи 270 приняло совершенно другой оборотъ. Отношеніе нашего высшаго законодательнаго учрежденія къ этому вопросу столь громадной важности заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія.

При обсужденіи законопроекта, внесеннаго Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, въ средѣ Департаментовъ были высказаны сомнѣнія какъ относительно правильности предположеній Министерства, такъ и относительно своевременности ихъ осуществленія. Признавая важное государственное значеніе колонизаціи Туркестанскаго края и не отрицая необходимости воспользоваться для этой цѣли излишними въ хозяйствѣ кочевниковъ государственными землями, нѣкоторые чины Соединеннаго Присутствія продолжали стоять на той точкѣ зрѣнія, на которую сталъ раньше Комитетъ Сибирской желѣзной дороги. Недостаточно ясно различая кочевниковъ отъ осѣдлыхъ жителей, опять указывали, что инородческое населеніе Туркестанскаго края, въ отношеніи правъ на землю, не можетъ быть безусловно приравнено къ такому же населенію Степныхъ областей. Проживающіе въ послѣднихъ инородцы принадлежатъ почти исключительно къ разряду кочевыхъ, а значительная часть инородческаго населенія Туркестана ведетъ осѣдлый образъ жизни.

Вмѣсто того, чтобы дать руководящія указанія для направленія нашей земельной политики въ Туркестанѣ, члены Государственнаго Совѣта ограничивались сомнѣніями и неопредѣленными пожеланіями.

Высказывались сомнѣнія, возможно-ли ограничиться изданіемъ для Туркестанскаго края правила, подобнаго примѣчанію 1-му къ статьѣ 120 Степного положенія, постановивъ только, что земли, которыя окажутся въ хозяйствѣ кочевниковъ излишними, поступаютъ въ распоряженіе правительства. Полагалось необходимымъ въ самомъ законѣ указать, какія

изъ упомянутыхъ въ статьѣ 270 Турк. Полож. земель могутъ быть признаны излишними въ хозяйствѣ кочевниковъ и какія не могутъ быть изъяты изъ ихъ пользованія принудительнымъ порядкомъ.

Затѣмъ указывалось на необходимость имѣть въ виду, что изданіе закона объ изъятіи изъ пользованія кочевниковъ излишнихъ въ ихъ хозяйствѣ земель, даже при условіи принятія всѣхъ мѣръ къ огражденію ихъ законныхъ интересовъ, знаменуетъ собой крупный переворотъ въ экономическомъ быту кочевого населенія. Такой переворотъ можетъ легко возбудить волненіе въ средѣ малокультурныхъ кочевниковъ, „тѣмъ болѣе, что по присоединеніи Туркестанскаго края русское правительство обѣщало мѣстному населенію сохраненіе всѣхъ его обычныхъ правъ, въ томъ числѣ и правъ по землепользованію". Въ виду шедшей въ то время войны на Дальнемъ Востокѣ всякое народное неудовольствіе въ Туркестанѣ признавалось нежелательнымъ. Считали необходимымъ всячески озаботиться принятіемъ мѣръ для сохраненія спокойствія въ средѣ мѣстнаго инородческаго населенія. Эти соображенія навели на мысль о несовременности изданія проектированнаго Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ закона, хотя бы и съ необходимыми поправками. „Равнымъ образомъ", разсуждало Соединенное Присутствіе, „слѣдуетъ признать несвоевременнымъ и предположенное хозяйственно-статистическое изслѣдованіе быта кочевниковъ, съ цѣлью опредѣленія излишнихъ въ ихъ хозяйствѣ земель, ибо производство такого изслѣдованія могло бы само по себѣ вызвать среди кочевниковъ нежелательные толки и опасенія".

И Государственный Совѣтъ положилъ: возвратить Министру Земледѣлія внесенный законопроектъ, не входя въ его обсужденіе по существу.

„Производство статистическаго обслѣдованія могло бы вызвать среди кочевниковъ толки и опасенія"—такая заботливость со стороны Государственнаго Совѣта къ киргизскому населенію была весьма почтенна, но и русскій народъ, хозяинъ и строитель Россіи, имѣетъ не меньшее, чѣмъ киргизы, право на заботу о своемъ благополучіи. Достоинство Россіи

требуетъ, чтобы не былъ обездоленъ ни одинъ изъ народовъ, живущихъ подъ скипетромъ ея, но въ то же время русскому государству позволительно подумать также и о своемъ народѣ и о грядущей судьбѣ его.

Давно извѣстно, какія громадныя жертвы несетъ нашъ народъ на содержаніе своихъ окраинъ. Изслѣдованіе этого вопроса сдѣлано въ обстоятельномъ трехтомномъ трудѣ проф. Н. Яснопольскаго „О географическомъ распредѣленіи государственныхъ расходовъ въ Россіи". Хотя данныя, сгруппированныя въ этомъ трудѣ, относятся, преимущественно, къ концу восьмидесятыхъ и началу девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка, но сдѣланные выводы вполнѣ сохраняютъ свое значеніе и до сихъ поръ, такъ какъ съ тѣхъ поръ существо дѣла нисколько не измѣнилось, а если и произошли измѣненія, то лишь къ ущербу русскаго народа.

Изслѣдованія о распредѣленіи государственныхъ расходовъ по мѣстностямъ доказываютъ неопровержимо, что размѣры этихъ расходовъ обратно пропорціональны платежамъ населенія въ казну, т.-е. чѣмъ больше мѣстность платитъ въ казну, тѣмъ менѣе казной въ ней расходуется. Такъ, на одного жителя расходовалось государствомъ въ обездоленныхъ средне-черноземныхъ губерніяхъ всего 2 р. 77 к., а въ областяхъ Степного края 3 р. 44 к., въ Туркестанѣ еще больше—3 р. 52 к. Между тѣмъ, въ концѣ минувшаго вѣка окладныхъ сборовъ взималось съ одного жителя въ среднечерноземныхъ губерніяхъ 1 р. 97 к., а въ Средней Азіи всего лишь 92 к., въ Степномъ же краѣ даже 85 коп. И такое выкачиваніе золота изъ русской земли въ Среднюю Азію. подобно тому какъ и на другія окраины, длится цѣлыя десятилѣтія.

Превышеніе расходовъ казны надъ доходами въ этой окраинѣ государства составляетъ ежегодно нѣсколько милліоновъ рублей. Выше уже были приведены цифры, указывающія, во что намъ обходится обладаніе Туркестаномъ. До какихъ же поръ это должно продолжаться? Допустимо-ли, чтобы и въ XX вѣкѣ на громадныхъ земельныхъ пространствахъ существовалъ совершенно недопустимый хозяйственный строй, и чтобы русскій народъ, уже второе тысячелѣтіе не-

сущій великую тяготу государственнаго строительства, своимъ горбомъ расплачивался за эту аномалію?

Наконецъ внѣшняя безопасность и нераздѣльная цѣлость Россіи—это задачи, которыми мы также не можемъ пренебрегать, если желаемъ остаться великимъ народомъ и сохранить свое великое государство въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно создано трудами отшедшихъ поколѣній.

„Обращаю вниманіе на то", писалъ передъ смертью Менделѣевъ, „что китайцы, судя по послѣднимъ свѣдѣніямъ, начали заселять пустынную Монголію, и я полагаю, что намъ слѣдуетъ усиленно заселять киргизскія степи и всю длинную границу нашу съ Китаемъ, чтобы не соблазнять его пустующими сосѣдними землями".

IV.

Извѣстный оріенталистъ В. Григорьевъ вѣковую страсть кочевыхъ народовъ къ разрушенію объяснялъ ненавистью кочевника, свыкшагося съ широкимъ раздольемъ степей, ко всему, что служитъ какимъ-либо препятствіемъ его свободному передвиженію, стѣсняетъ привычный къ безграничности горизонтъ его зрѣнія, мѣшаетъ ему въ осѣдлой странѣ дѣйствовать и распоряжаться такъ, какъ бы дѣйствовалъ и распоряжался онъ на степной родинѣ. Роскошное пастбище, на которомъ откармливаются и тучнѣютъ стада его и табуны — верхъ всѣхъ его желаній, всѣхъ его мечтаній. Болѣе красиваго, болѣе усладительнаго зрѣлища не привыкъ онъ представлять себѣ съ ранняго дѣтства. Какую же цѣну послѣ этого могутъ имѣть въ его глазахъ произведенія зодчества, ваянія? Всякая стѣна—препона для него, всякій домъ—тюрьма, все, чего не могъ онъ унести съ собой — вздоръ. И вотъ, стремясь къ осуществленію своего идеала, онъ при возможности сметаетъ съ лица земли все, что мѣшаетъ ей быть пастбищемъ. „Лягушки", говоритъ Григорьевъ, „если бы могли, вѣроятно, весь міръ обратили бы въ болото".

И лишь одни селенія съ осѣдлымъ населеніемъ побѣдоносно борются съ буйной людской стихіей. Измѣнившіяся экономическія условія и вкрапленіе въ степь земледѣльческихъ поселковъ не только обезопасили насъ отъ разрушительныхъ нашествій, но и сдѣлали неотложнымъ переходъ кочевниковъ къ осѣдлому быту.

Академикъ Миддендорфъ, изучавшій Фергану въ 1878 году, обслѣдовалъ особенно подробно кочевой бытъ нѣкоторыхъ районовъ этой области. Въ изученныхъ мѣстностяхъ оказалось, что на каждыя 7 кибитокъ приходится лишь 1 верблюдъ, а лошадей на одну кибитку — 3 головы, крупнаго рогатаго скота также 3 головы, а мелкаго—18. Но такъ какъ единичныя хозяйства имѣли скота значительно больше, то ясно, что уже въ то время у большинства кочевое хозяйство положительно приходило къ концу. Многіе хозяева имѣли только по 1 лошади и оставались безъ рогатаго и мелкаго скота. Изъ общаго числа кибитокъ $^{3}/_{5}$ обнаруживали стремленіе перейти къ земледѣлію въ предгорьяхъ. „Кочевая жизнь—на закатѣ" — таковъ былъ итогъ наблюденій знаменитаго натуралиста и путешественника. „Важное указаніе относительно того, что надлежитъ дѣлать Туркестанской администраціи"— при этомъ добавилъ онъ.

За истекшія 30 лѣтъ, конечно, ничего не сдѣлано для устройства киргизовъ. Между тѣмъ потребность въ этомъ стала еще настоятельнѣе. Времена Чингисъ-хана прошли безвозвратно и нынѣ всякій, кто можетъ, старается обезпечить себя пашней. „Куда только ни проникалъ плугъ, онъ всюду приносилъ съ собой рабство и позоръ"—истина этихъ словъ пророка померкла въ сознаніи номадовъ. Даже въ Закаспійской области, гдѣ только есть вода, туркменъ „забылъ наѣзды" для своего поля. Въ Тедженскомъ уѣздѣ киргизы обратились полностью въ земледѣльцевъ, въ Самаркандскомъ и Катта-Курганскомъ уѣздахъ населеніе сплошь осѣло и посылаетъ свой скотъ на пастбище подобно нашимъ крестьянамъ. Въ Ферганѣ — всѣ кочевники имѣютъ осѣдлость. Вообще, въ значительной части Туркестанскаго края чистыхъ кочевниковъ давно уже нѣтъ.

Въ 1905 году Государственный Совѣтъ призналъ-таки необходимымъ учредить для Сыръ-Дарьинской области статистическую партію, работы которой должны были дать „матеріалъ для законодательнаго разрѣшенія вопроса объ

основаніяхъ использованія излишнихъ земель для цѣлей заселенія, а съ другой — подготовить къ тому времени, когда устранятся нынѣ существующія затрудненія юридическаго характера, такой запасъ необходимыхъ данныхъ, который позволитъ безотлагательно приступить къ работамъ по образованію переселенческихъ участковъ".

Послѣ рекогносцировочнаго обслѣдованія, произведеннаго въ Чимкентскомъ уѣздѣ, статистическая партія избрала для подробнаго хозяйственно-статистическаго изслѣдованія районъ въ восточной предгорной части Чимкентскаго уѣзда, такъ какъ въ этомъ районѣ возможны богарные посѣвы и условія киргизскаго хозяйства давали основаніе предполагать найти излишнія земли для образованія переселенческихъ участковъ.

Осенью минувшаго года вышелъ изъ печати первый томъ хозяйственно-статистическаго изслѣдованія Чимкентскаго уѣзда и трудъ этотъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія*). Изслѣдованіе произведено чрезвычайно обстоятельно, и программа его охватила во всѣхъ подробностяхъ и земледѣльческую и скотоводческую стороны хозяйства.

Оказывается, что и въ Чимкентскомъ уѣздѣ киргизы обслѣдованнаго района въ подавляющемъ большинствѣ являются уже осѣдлымъ населеніемъ. То же самое явленіе замѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ. Статистическія изслѣдованія 1907 года, матеріалы котораго еще не разработаны, совершенно ясно указываютъ на сильное развитіе земледѣльческаго хозяйства и въ Ауліеатинскомъ уѣздѣ, а также и въ другихъ частяхъ Чимкентскаго уѣзда. Но степень развитія земледѣльческаго хозяйства въ различныхъ районахъ далеко не одинакова. Даже Чимкентскій уѣздъ въ этомъ отношеніи представляетъ пеструю картину: въ немъ есть мѣстности чисто земледѣльческія и есть мѣстности почти совершеннно кочевыя, что объясняется, главнымъ образомъ, степенью пригодности того или другого района для занятія земледѣльческимъ хозяйствомъ. Собранные матеріалы о хозяйственномъ положеніи киргизскаго населенія въ Ташкентскомъ, Чимкентскомъ и Ауліеатинскомъ уѣздахъ позволяютъ съ полнымъ правомъ сказать, что земледѣльческое хозяйство у киргизскаго населенія получило широкое развитіе въ тѣхъ районахъ, въ которыхъ имѣются налицо благопріятныя условія для развитія сельскохозяйственнаго промысла. Къ числу этихъ условій должны быть отнесены возможность орошенія, благопріятныя почвенно-геологическія качества мѣстности, а также возможность посѣвовъ подъ дождь.

*) См. матеріалы по киргизскому землепользованію. Чимкентскій уѣздъ, изд. Перес. Управл. Ташкентъ.

Обслѣдованный въ хозяйственно-статистическомъ отношеніи районъ, общая площадь котораго составляетъ 400.000 десятинъ, занимаетъ юго-восточную часть Чимкентскаго уѣзда. Границами района служатъ съ сѣвера—р. Арысь, съ востока —меридіанъ села Высокаго, съ юга — хребетъ Алатау и съ запада—почтовый трактъ отъ с. Фогелева до Чимкента. Изслѣдованная площадь по своимъ естественнымъ условіямъ раздѣляется на два отдѣльныхъ района: одинъ — сѣверный, равнинный, другой—южный, болѣе возвышенный и холмистый, лежащій ближе къ хребту горъ. Въ сѣверномъ районѣ посѣвы возможны лишь при условіи искусственнаго орошенія полей, въ южномъ же, предгорномъ, мѣстами воздѣлываются зерновые хлѣба и безъ примѣненія полива.

Въ обѣихъ частяхъ района было обслѣдовано 8.921 киргизское хозяйство, причемъ наличное населеніе составило 57.209 человѣкъ и проживало въ 285 хозяйственныхъ аулахъ. Подъ этимъ терминомъ понимается совокупность домохозяйствъ, объединенная общностью пользованія, главнымъ образомъ, пахотными угодьями. Эта поселочная форма является основной единицей киргизскаго общежитія, въ аулѣ сосредоточиваются, преимущественно, земледѣльческіе интересы, въ отличіе отъ общины, которая въ киргизскомъ быту обозначаетъ такую хозяйственную единицу, которая совершенно самостоятельно распоряжается находящимися въ ея пользованіи землями всякихъ категорій. Въ Чимкентскомъ уѣздѣ средній по размѣру хозяйственный аулъ состоитъ изъ 31 хозяйства, или изъ 200 душъ населенія обоего пола. Размѣръ хозяйственнаго аула въ районѣ изслѣдованія превышаетъ болѣе чѣмъ въ 2 раза аулъ Актюбинскаго уѣзда,

Тургайской области, не говоря ужъ объ Атбасарскомъ уѣздѣ Акмолинской области, въ которомъ хозяйственный аулъ меньше приблизительно въ 6 разъ. Такое различіе въ величинѣ ауловъ стоитъ въ прямой зависимости отъ степени развитія въ киргизскомъ быту земледѣльческаго хозяйства. Тамъ, гдѣ скотоводство преобладаетъ, наблюдаются и болѣе мелкіе хозяйственные аулы: содержаніе на подножномъ корму большихъ стадъ совершенно исключаетъ возможность скученія хозяйствъ на одномъ мѣстѣ. Болѣе трехъ четвертей ауловъ въ изслѣдованномъ районѣ по своимъ размѣрамъ могутъ быть сравниваемы съ обычными русскими деревнями, и хозяйство ихъ почти совершенно лишено чертъ, свойственныхъ кочевому быту.

Осѣдлыя хозяйства составляютъ 83%, т.-е. процентъ кочующихъ равенъ всего лишь 17 отъ общаго числа хозяйствъ. Отсюда видно, что громадное большинство хозяйствъ вовсе перестало кочевать. Самое дальнее разстояніе, на которое киргизы уходятъ на лѣтнія пастбища, не превышаетъ и 30 верстъ. Да и такихъ лѣтовокъ въ районѣ осталось очень немного. Громадное большинство общинъ пасетъ свой скотъ исключительно на призимовочной территоріи, сначала, весной, на особыхъ выгонахъ, а потомъ на пашняхъ, по пожнѣ, и на сѣнокосахъ, по отавѣ.

Зимней пастьбы почти совсѣмъ нѣтъ—этому препятствуетъ отчасти холодъ, но, главнымъ образомъ, глубокій снѣгъ, выпадающій и въ степной, и въ горныхъ частяхъ изслѣдованной площади. Прикармливать скотъ начинаютъ съ декабря, а часто и въ ноябрѣ, смотря по тому, какъ рано выпадаетъ снѣгъ и начинаются холода. На пастбище правильно начинаютъ выгонять лошадей и овецъ съ марта мѣсяца, рогатый скотъ и верблюдовъ—съ апрѣля. Каждый видъ скота у киргизовъ содержится зимой въ особомъ помѣщеніи, гдѣ животнымъ и задается кормъ: не только солома, но и сѣно, и даже люцерна. Лошадямъ, на которыхъ ѣздятъ, кромѣ того, выдается и зерно—пшеница и ячмень. Крупныхъ стадъ, какія бываютъ въ Степныхъ областяхъ, въ районѣ не организуется. Общественныхъ табуновъ здѣсь совсѣмъ не составляется. При производствѣ изслѣдованія отмѣчено всего лишь нѣ-

сколько случаевъ отгона на зиму барановъ, да и то отдѣльными юртовладѣльцами или очень небольшими группами. Къ такому отгону прибѣгаютъ только многоскотные юртовладѣльцы, въ числѣ которыхъ имѣются и скотопромышленники.

Хозяйствъ, содержащихъ больше 10 единицъ скота, имѣется въ описываемой мѣстности всего лишь 20%. Такимъ образомъ, главная масса населенія содержитъ скотъ въ такомъ количествѣ, которое ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ мысли о возможности веденія скотоводческаго хозяйства. Наоборотъ, 80% домохозяевъ обезпечены скотомъ не какъ скотоводы, а какъ обыкновенные земледѣльцы. Достаточно сказать, что крестьяне въ русскихъ поселкахъ Туркестанскаго края имѣютъ въ среднемъ отъ 7 до 10 единицъ скота на хозяйство, а въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и больше.

Земледѣліемъ въ обслѣдованномъ районѣ киргизы начали заниматься очень давно. Есть указанія, что посѣвы производились еще 100 лѣтъ назадъ, но, разумѣется, въ очень небольшихъ размѣрахъ. Преобладающую роль земледѣліе стало пріобрѣтать около четверти вѣка тому назадъ, когда разразился страшный джутъ, унесшій почти весь киргизскій скотъ.

Въ первое время киргизы производили посѣвы почти исключительно на поливныхъ земляхъ. По всѣмъ даннымъ, къ производству богарныхъ посѣвовъ киргизы впервые приступили лѣтъ 40 тому назадъ, но тогда эти посѣвы отличались случайнымъ характеромъ и не имѣли большого распространенія. Болѣе широкое распространеніе они стали пріобрѣтать со времени водворенія въ районѣ русскихъ переселенцевъ, т.-е. 15—20 лѣтъ назадъ. Поднять богарную цѣлину для хозяйствъ маломощныхъ является задачей почти неисполнимой, потому что такого рода работа требуетъ тяжелыхъ и крѣпкихъ плуговъ, а также сильнаго рабочаго скота. Въ данномъ случаѣ на помощь киргизамъ приходятъ русскіе переселенцы: они снимаютъ у киргизовъ въ аренду большія площади богарныхъ земель, обрабатываютъ ихъ своимъ инвентаремъ и засѣваютъ пшеницей. Послѣ этого вспашка и вообще обработка богарныхъ земель уже не представляетъ тѣхъ трудностей, которыя были бы недоступны рядовому киргизу. На уже вспаханной землѣ киргизъ можетъ работать и съ своимъ первобытнымъ омачемъ.

Въ настоящее время площадь неполивныхъ пашенъ въ горной части района изслѣдованія, особенно пригодной для богарныхъ посѣвовъ, достигаетъ въ общей сложности 16.536 десятинъ, т.-е. равняется приблизительно 1/3 общей площади распашки. Отсюда видно, что несмотря на довольно сильное развитіе богарныхъ посѣвовъ, полевое хозяйство киргизскаго населенія въизслѣдованной части Чимкентскаго уѣзда и до сихъ поръ зиждется, главнымъ образомъ, на поливныхъ земляхъ.

Въ Степномъ районѣ обслѣдованной площади опредѣлено 4.909 хозяйствъ и у нихъ оказалось 45.478 дес. поливной земли и 3.715 неполивной, въ горномъ районѣ—4.012 хозяйствъ съ 28.331 дес. поливной земли и 16.536—богарной.

По площади посѣва всѣ хозяйства распредѣлены на слѣдующія группы: I группа—хозяйства, вовсе не имѣющія посѣвовъ, II—засѣвающія до 2 дес., III—отъ 2 до 5, IV—отъ 5 до 9 дес., V—отъ 9 до 14 дес., VI—отъ 14 до 20 дес., VII—отъ 20 до 30 дес. и VIII—свыше 30 десятинъ.

Степень обезпеченія пахотными и сѣнокосными угодьями различныхъ по зажиточности группъ населенія можетъ быть представлена въ слѣдующей таблицѣ, въ которой всѣ хозяйства соединены по площади посѣва въ 8 указанныхъ выше группъ

ПОСѢВНЫЯ ГРУППЫ.	Общее число хозяйствъ.		Всего эксплоатируется десятинъ своихъ.		На 1 хозяйство приходится своихъ.	
	Въ абсолютныхъ величин.	Въ %.	Пашни.	Покоса.	Пашни.	Покоса.
I	409	4,5	—	315	—	0,7
II	291	3,2	384	407	1,6	1,4
III	921	10,3	3.343	1.060	3,6	1,1
IV	2.563	28,7	18.531	4.971	7,2	1,9
V	2.607	29,2	18.727	6.525	11	2,5
VI	1.344	15	22.046	4.832	16,4	3,5
VII	576	6,4	13.159	2.685	22,8	4,6
VIII	204	2,2	7.868	1.570	38,6	7,7
	8.921	100	94.061	22.375	10,5	2,5

Оказывается, что непроизводящихъ посѣвовъ хозяйствъ въ районѣ всего 409, или 4,5% общаго числа изслѣдованныхъ хозяйствъ. Всѣ остальныя хозяйства имѣютъ посѣвъ и имѣютъ свои пашни. Уже во второй группѣ приходится на одно хозяйство 1,6 дес. пашни и величина эта постепенно возрастаетъ, доходя въ восьмой группѣ до 38 дес. Правда, хозяйствъ, имѣющихъ такъ много пашенъ, всего 2,2% общаго числа, но въ IV и V группахъ, составляющихъ въ общей сложности 58% всѣхъ хозяйствъ, на одно хозяйство приходится больше 9 десятинъ пашни. Ясно, что хотя киргизы въ Чимкентскомъ уѣздѣ и считаются кочевниками, тѣмъ не менѣе они обезпечены пахотными угодьями значительно выше средней крестьянской семьи въ Европейской Россіи.

Обезпеченность населенія сѣнокосными угодьями значительно ниже, чѣмъ пахотными землями, но и сѣнокосовъ, въ среднемъ, приходится на хозяйство все-таки около 2,5 десятинъ.

Развитіе въ районѣ земледѣльческаго хозяйства не влечетъ за собой полнаго упадка скотоводства. На одно хозяйство приходится больше пашни и покоса въ тѣхъ группахъ хозяйствъ, которыя располагаютъ и большимъ количествомъ скота. Скотоводческое хозяйство уживается одновременно съ земледѣльческимъ и, такимъ образомъ, часть киргизскаго населенія имѣетъ возможность пополнять свой бюджетъ изъ этихъ двухъ самостоятельныхъ отраслей хозяйства. Въ IV и V группахъ доходъ отъ земледѣлія сильно превышаетъ доходъ отъ скотоводства: въ IV группѣ послѣдній доходъ составляетъ 48% дохода отъ земледѣлія, а въ V группѣ 38%. Въ двухъ слѣдующихъ группахъ скотоводство имѣетъ еще меньшее значеніе: отношеніе его къ земледѣлію выражается процентами 32 и 26. Поэтому и на 1 душу обоего пола приходится значительно болѣе дохода отъ земледѣлія, чѣмъ отъ скотоводства. Въ IV группѣ доходъ отъ скотоводства на 1 душу выражается въ 15,9 р., а отъ земледѣлія—въ 33,3 руб., а въ V группѣ отъ перваго дохода приходится на 1 душу 14,8 руб., а отъ второго—38,8 р. Это лишній разъ подтверждаетъ, *что киргизъ въ изслѣдуемомъ районѣ не кочевникъ,*

а скотоводъ и земледѣлецъ. Въ общемъ доходѣ его хозяйства скотоводство занимаетъ болѣе, чѣмъ скромное мѣсто.

Эволюція киргизскаго хозяйства въ смыслѣ широкаго развитія земледѣлія уже почти завершилась, и потому въ этой части Чимкентскаго уѣзда оно почти ничѣмъ не отличается отъ типичнаго земледѣльческаго хозяйства. *Земледѣліе наложило рѣзкій отпечатокъ на всѣ стороны киргизской жизни: форма поселеній, отношеніе населенія къ землѣ, виды хозяйства и характеръ занятій населенія,—все это обнаруживаетъ въ киргизѣ не пастуха-скотовода, а давнишняго земледѣльца.*

Ясно, что мѣстности, подобныя изслѣдованной части Чимкентскаго уѣзда, не могутъ быть сравниваемы съ областями кочевыхъ киргизовъ и должны быть обезпечены землей примѣнительно къ земледѣльческому хозяйству.

Произведенное въ Чимкентскомъ уѣздѣ изслѣдованіе не могло ограничиться изученіемъ естественно-историческихъ условій мѣстности и хозяйства киргизскаго населенія. Конечной цѣлью этого изслѣдованія было опредѣлить размѣры нормальнаго хозяйства и норму для него пахотной земли. Ограничиться опредѣленіемъ одной лишь пастбищной нормы, что совершенно исчерпывало вопросъ въ Степныхъ областяхъ, въ изслѣдованномъ районѣ было невозможно, такъ какъ интересы болѣе чѣмъ $^4/_5$ населенія слишкомъ властно требовали вниманія къ главной отрасли его труда. Однако, необходимо было принять во вниманіе также и скотоводческіе интересы населенія въ томъ объемѣ, которымъ характеризуется средне-типичное хозяйство по массовымъ даннымъ изслѣдованія.

Эти данныя дали возможность по обоимъ естественно-историческимъ районамъ—степному и горному—опредѣлить типъ и размѣръ такого конкретнаго хозяйства, которое отвѣчало бы среднимъ потребностямъ населенія и могло бы существовать безъ постороннихъ заработковъ.

Въ степномъ районѣ на 1 хозяйство приходится 10,04 единицъ скота и 10,1 десятинъ посѣва, въ горномъ же районѣ хозяйство имѣетъ того и другого нѣсколько больше: скота 12,01 единицъ и посѣва 11,43 десят.

Для окончательнаго опредѣленія нормальнаго хозяйства желательно было пользоваться только той категоріей хозяйства, которыя не нанимаютъ и не отпускаютъ батраковъ. Такія хозяйства могутъ быть названы самостоятельными, такъ какъ размѣры земледѣлія и скотоводства у нихъ, разсчитанные на среднюю семью, вполнѣ соотвѣтствуютъ количеству своихъ рабочихъ рукъ. Затѣмъ, необходимо было имѣть въ виду, что полевое хозяйство у киргизскаго населенія ведется самыми первобытными способами, благодаря чему даетъ довольно низкіе урожаи. Ждать особенно быстраго улучшенія въ техникѣ полеводства нельзя, *а потому желательно было опредѣлить нормальное хозяйство съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ немъ былъ запасъ земель для естественнаго прироста населенія*. При этомъ условіи хозяйство киргиза не только не понесло бы никакого ущерба отъ примѣненія выработанныхъ нормъ, но имѣло бы еще возможность дальнѣйшаго совершенствованія.

Опредѣленное на основаніи этихъ положеній нормальное хозяйство совершенно одинаково какъ въ степномъ, такъ и въ горномъ районѣ: въ томъ и другомъ на хозяйство приходится 21,3 дес. земли. Разница между этими двумя районами въ нормальномъ хозяйствѣ заключается, главнымъ образомъ, въ распредѣленіи по угодьямъ площади землепользованія и въ количествѣ орошенныхъ земель. Такъ, въ степномъ районѣ нормальное хозяйство имѣетъ 9,7 дес. пашни, а въ горномъ—9,5. Наряду съ этимъ въ степномъ районѣ вся площадь пашни находится на орошенной землѣ, въ горномъ же районѣ въ числѣ 9,5 дес. имѣется 3,2 дес. богарной земли. Въ обоихъ районахъ на каждое хозяйство должно быть оставлено 9 десятинъ чистыхъ пастбищъ.

Полученная такимъ образомъ норма киргизскаго землепользованія поражаетъ, на первый взглядъ, по сравненію со Степными областями, своими малыми размѣрами. Дѣйствительно, тамъ на хозяйство приходится 100, 120 десят., иногда много больше—до 550 десятинъ, а въ изслѣдованной части Чимкентскаго уѣзда всего только 21,3 дес. Но чимкентскаго киргиза сравнивать съ киргизами степныхъ областей никакъ невозможно. Во время изслѣдованія Степныхъ областей, судя

по матеріаламъ, киргизское хозяйство было въ этихъ областяхъ типично-кочевое, а въ Чимкентскомъ уѣздѣ — оно типично-земледѣльческое.

И въ Туркестанскомъ краѣ есть мѣстности съ явнымъ преобладаніемъ кочевого хозяйства. Въ тѣхъ-же уѣздахъ, Чимкентскомъ, Ауліеатинскомъ и Пишпекскомъ, черезъ которые проходитъ громадный поясъ съ фактически осѣвшимъ уже населеніемъ, имѣются также районы съ преобладаніемъ кочевого хозяйства. Затѣмъ, два уѣзда Перовскій и Казалинскій, занимающіе громадную площадь во много милліоновъ десятинъ, по своимъ условіямъ вполнѣ аналогичны прилегающимъ къ нимъ областямъ Степного края. Такое положеніе дѣла предрѣшаетъ должное отношеніе государства къ землямъ въ Туркестанѣ, занятымъ кочевниками. Положеніе киргизовъ, перешедшихъ уже къ осѣдлому земледѣльческому быту, совершенно то же, что и государственныхъ крестьянъ въ мѣстностяхъ, гдѣ еще не было поземельнаго устройства. Пока земли было много и она ничего не стоила, государство могло предоставлять крестьянамъ пользоваться государственными землями въ неограниченномъ размѣрѣ — „куда соха и топоръ ходили“. Но съ теченіемъ времени, съ кореннымъ измѣненіемъ экономическихъ отношеній, такой порядокъ становится недопустимымъ и государство размежевывается съ населеніемъ, которому предоставляло до того самыя широкія права по землепользованію.

Такое именно размежеваніе, въ видѣ поземельнаго устройства, въ высшей степени необходимо въ тѣхъ районахъ Туркестана, гдѣ кочевое населеніе давно уже перестало быть кочевымъ и съ большимъ правомъ можетъ быть названо земледѣльческимъ, чѣмъ многія мѣстности Европейской Россіи.

Въ этихъ районахъ устройство туземцевъ по вырабатываемымъ для каждой отдѣльной мѣстности нормамъ не только освободило-бы излишки для русской колонизаціи, но и положило-бы прочное основаніе развитію благосостоянія мѣстнаго инородческаго населенія.

Твердо и ясно опредѣленное право на землю тамъ, гдѣ для этого уже пришла пора,—есть главное условіе развитія народнаго труда и основаніе народнаго благополучія. Даро-

ваніе такихъ правъ фактически давно осѣвшимъ уже киргизамъ тѣмъ болѣе необходимо, что феодальныя начала до сихъ поръ сохраняютъ свою силу въ степи. Сильные родовичи (біи, манапы) являются, въ сущности, распорядителями народнаго достоянія и не только удѣляютъ себѣ львиную долю во всемъ, но, кромѣ того, безпрекословно держатъ въ своихъ рукахъ народную массу. Выборный народный судъ, имѣющій право приговаривать туземцевъ къ заключенію въ тюрьму на полтора года, является могучимъ орудіемъ въ рукахъ степныхъ феодаловъ.

Поземельное устройство, дающее каждому отдѣльному хозяйству неотъемлемый надѣлъ, было-бы встрѣчено массой киргизскаго населенія какъ начало новой жизни. Уже сейчасъ есть единичныя небольшія пока мѣстности, гдѣ киргизы получили земельный надѣлъ на тѣхъ-же основаніяхъ, что и переселенцы, а просьбы объ окончательномъ поземельномъ устройствѣ возрастаютъ повсемѣстно. Неопредѣленность правъ на землю выгодна для небольшого круга богачей и очень тягостна для массы среднихъ и малыхъ людей, зависимыхъ и обездоливаемыхъ. Распредѣленіе угодій въ обслѣдованномъ районѣ Чимкентскаго уѣзда даетъ въ этомъ отношеніи интересныя указанія. Въ степной части района почти весь посѣвъ производится на поливныхъ пашняхъ, подъ которыми занято 92,1% всѣхъ пахотныхъ угодій. Въ горной части района иное распредѣленіе посѣва на поливныхъ и богарныхъ земляхъ: здѣсь посѣвъ на богарной пашнѣ занимаетъ больше одной трети всей площади распашки—36,6%. При этомъ процентъ поливныхъ пашенъ больше въ высшихъ по посѣву группахъ, чѣмъ въ низшихъ. Въ III группѣ посѣвъ на богарѣ даже превышаетъ размѣры посѣва на поливныхъ земляхъ—онъ составляетъ 50,6%. Такіе большіе высѣвы на земляхъ неорошенныхъ наблюдаются до IV включительно группы хозяйствъ, въ которой богара достигаетъ все еще 42,7%. Начиная съ V группы, количество неорошенныхъ пашенъ уже значительно уменьшается, составляя въ VIII группѣ только 27% общаго количества распашки. Это явленіе стоитъ въ зависимости отъ захвата богатыми біями лучшихъ земель, къ которымъ должны быть отнесены орошенныя земли.

Предоставить переводить кочевниковъ на осѣдлый бытъ поземельно-податнымъ присутствіямъ невозможно. Эти присутствія, прежде всего, фактически совершенно лишены возможности исполнять возложенную на нихъ обязанность, такъ какъ въ ихъ распоряженіи нѣтъ ни органовъ, на которые могла-бы быть возложена столь сложная работа, ни матеріальныхъ средствъ. Наконецъ,—что важнѣе всего—дѣло поземельнаго устройства не можетъ итти попутно съ осуществленіемъ фискальныхъ задачъ. Это дѣло настолько важно и для мѣстнаго населенія и для всего государства, что оно должно быть въ вѣдѣніи органовъ, осуществляющихъ государственную земельную политику.

Благодѣтельное для кочевниковъ устройство ихъ быта имѣло-бы и другія послѣдствія великой важности. Нынѣшнее податное обложеніе, въ высшей степени неравномѣрное, такъ какъ и богачъ и бѣднякъ платитъ кибиточную подать въ одинаковомъ размѣрѣ (4 руб.) безвозвратно отошло-бы въ область прошлаго. Устроенные киргизы платили-бы поземельный налогъ за отведенные имъ надѣлы, а весьма немногочисленныя многоскотныя хозяйства могли-бы продолжать свой промыселъ, эксплоатируя за арендную плату тѣ пастбищныя государственныя земли, которыя, за надѣленіемъ осѣвшихъ, перешли-бы въ разрядъ земель единственнаго владѣнія казны. Съ истощеннаго русскаго народа постепенно снималось-бы бремя содержанія на его счетъ богатыхъ окраинъ. Теперешнее податное обложеніе числящихся за кочевниками земель вопіюще несправедливо по отношенію къ населенію Европейской Россіи. До самаго послѣдняго времени, до отмѣны выкупныхъ платежей, на одну десятину надѣльной земли падало, въ среднемъ, 1 руб. 51 коп. прямого обложенія всѣхъ категорій. Въ обслѣдованномъ районѣ приходится въ общемъ на каждое хозяйство 32 десят. удобной земли. Если-бы обложеніе этихъ богатыхъ земель, расположенныхъ къ тому-же у желѣзнодорожнаго пути, было одинаково съ тѣмъ, которое лежало на земляхъ, предоставленныхъ русскимъ крестьянамъ, то каждому киргизскому хозяйству приходилось-бы платить прямыхъ налоговъ не 4 рубля съ небольшимъ (включая незначительный земскій сборъ), а около 50 руб. Послѣ отмѣны

выкупныхъ платежей на одну десятину крестьянской надѣльной земли падаетъ до 60 коп. окладныхъ сборовъ. При такомъ обложеніи съ каждаго киргизскаго домохозяйства причиталось-бы 19 слишкомъ рублей. Если-бы киргизы обслѣдованнаго района, лишь на бумагѣ числящіеся кочевниками, были обложены государственнымъ земельнымъ налогомъ хотябы въ томъ размѣрѣ, въ какомъ его платятъ переселенцы за предоставленныя имъ земли (30 коп. съ десятины), то и въ этомъ случаѣ, каждое хозяйство платило-бы государственнаго сбора до 10 руб. Это составило-бы съ 400.000 десят. всей обслѣдованной площади свыше 100.000 руб., вмѣсто получаемыхъ нынѣ 35.000 руб. А вѣдь въ такихъ условіяхъ, какъ обслѣдованная площадь, находится нѣсколько милліоновъ десятинъ!

Ясно, что землеустройство, упрочивая бытъ сидящаго на землѣ населенія, въ то же время принесло-бы существенную пользу и Государственному Казначейству, возмѣщая ему тѣ расходы, которые оно несетъ на содержаніе Туркестанскаго края. Недостатокъ въ средствахъ не можетъ быть основаніемъ отсрочки давно назрѣвшей реформы, столь необходимой къ тому-же для полученія земли для цѣлей переселенія. Въ обслѣдованномъ районѣ, послѣ устройства его населенія, оказалось-бы 73.000 десят. излишковъ, причемъ главная часть этихъ земель падаетъ на степь, пока нетронутую сельско-хозяйственной культурой. Цифра эта сама говоритъ за себя.

Поземельное устройство населенія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ совершенно упрочился осѣдлый бытъ, не исключаетъ, конечно, необходимости въ разъясненіи ст. 270 Турк. Полож., для предоставленія правительству права образовывать переселенческіе участки въ тѣхъ районахъ степи, гдѣ кочевой бытъ пока преобладаетъ. Излишки удобныхъ земель, состоящихъ въ пользованіи у кочевниковъ, обращались-бы подъ переселеніе и, подъ вліяніемъ примѣра своихъ сосѣдей—земледѣльцевъ, ускорялся-бы процессъ перехода кочевниковъ къ высшимъ формамъ жизни.

На государствѣ лежитъ безусловная обязанность дѣятельно содѣйствовать переходу къ осѣдлости въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть возможность перейти отъ экстенсивнаго кочевого хо-

зяйства къ болѣе производительному использованію богатства почвы.

Конечно, земли, пригодныя исключительно для пастьбы скота, и въ будущемъ должны быть используемы какъ пастбище, и въ этомъ отношеніи совершенно основательна туркестанская поговорка: „если-бы не было кочевниковъ, то надо было-бы ихъ выдумать“. Съ теченіемъ времени пастбищныя земли, часть которыхъ, пригодная для земледѣлія, должна перейти подъ культуру, будутъ обезпечивать осѣдлому населенію процвѣтаніе скотоводческаго промысла. Несомнѣнная наличность свободныхъ земель у Туркестанскихъ кочевниковъ доказывается неопровержимо распространенной сдачей киргизами въ аренду состоящихъ въ ихъ пользованіи земель. Съ Сѣвера, даже изъ Европейской Россіи наѣзжаютъ предпріимчивые съемщики и заарендовываютъ для промышленныхъ посѣвовъ нерѣдко очень значительныя площади земель. Въ Чимкентскомъ, напримѣръ, уѣздѣ извѣстны такіе съемщики, которые распашкой киргизскихъ земель въ нѣсколько лѣтъ составили состояніе въ десятки тысячъ рублей. Необходимо твердо помнить, что извѣстная скученность населенія является непремѣннымъ условіемъ для высшей культуры, для высшаго общественнаго развитія. Въ прошлыя времена, при избыткѣ въ землѣ, размноженіе людей шло гораздо медленнѣе, чѣмъ идетъ оно нынѣ—этимъ лучше всего доказываются дѣйствительные успѣхи человѣчества. Если-бы люди размножались въ прошломъ съ такою-же быстротою, какъ и нынѣ, то въ 1150 году нашей эры населеніе земли должно было-бы составлять всего одинъ милліонъ человѣкъ. Между тѣмъ очевидно, что уже въ то время на землѣ жило много милліоновъ—значитъ приростъ населенія въ прошломъ, несмотря на громадный земельный просторъ, былъ ничтожно малъ. Переводя кочевниковъ на осѣдлый бытъ, государство не обездоливаетъ ихъ, а ведетъ къ благосостоянію, къ свѣту, къ культурнымъ формамъ жизни. Надо видѣть, въ какихъ суровыхъ лишеніяхъ живетъ масса кочевого населенія, надо знать, какой тяжкій гнетъ она испытываетъ отъ своихъ сильныхъ родовичей, чтобы понимать, съ какой радостью она встрѣтила-бы упроченіе своего быта. На Кавказѣ мы десятки лѣтъ не могли прекратить временно-обязанныхъ отношеній крестьянъ и устроить бытъ поселянъ-кочевниковъ, и вотъ теперь — страна эта въ крови, въ огнѣ. Не ждать-же намъ, чтобы и въ Туркестанѣ путаница въ поземельныхъ отношеніяхъ привела насъ къ такимъ-же ужаснымъ послѣдствіямъ, какъ и на Кавказѣ!

V.

Упорядоченіе поземельнаго устройства осѣдлаго населенія и разъясненіе ст. 270 Турк. Пол. сами по себѣ не могутъ еще, въ виду условій мѣстнаго хозяйства, создать земельный просторъ для русской колонизаціи. Въ Туркестанѣ культура возможна лишь на орошаемыхъ земляхъ, и вопросъ о водѣ тамъ не менѣе важенъ, чѣмъ вопросъ земельный. Въ настоящее время въ пяти областяхъ края поливныхъ земель не болѣе 1,5 милліона десятинъ, не подлежитъ, однако, никакому сомнѣнію, что площадь эту можно было-бы очень значительно расширить. Для того, чтобы достигнуть этой цѣли, надо принимать въ разсчетъ не только свободные, неиспользованные пока запасы воды, но также и тѣ воды, которыя служатъ уже для полива полей.

Использованіе воды для орошенія посѣвовъ производится въ Туркестанѣ уже много вѣковъ. Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Арабскими писателями, видно, что уже тысячу лѣтъ назадъ каналы въ Согдѣ (Самаркандская область) представляли совершенно то-же, что и въ настоящее время. Ибнъ-Гаукалъ и Жакутъ сообщаютъ: „рѣка изъ Сугда (Зеравшанъ) вытекаетъ по направленію къ Ферганѣ, достигаетъ мѣстечка Варагзаръ, которое принадлежитъ уже Самарканду: здѣсь построена запруда; поддержаніе ея возложено на обывателей, что имъ зачисляется какъ подушная подать; здѣсь воды раздѣляются на многочисленные каналы, чтобы затѣмъ снова соединиться въ одну главную рѣку“. Описаніе это соотвѣтствуетъ дѣйствительности и въ настоящее время.

Особенностью мусульманскихъ гидравлическихъ сооруженій является совершенное отсутствіе какихъ-либо шлюзовъ. Устроить систему орошенія простѣйшими вспомогательными средствами—такова всегда главная забота на Востокѣ. Такъ

Библиотека

какъ каналы не могутъ удовлетворять потребности ни шириной, ни глубиной, ни нужной скоростью теченія, то повсемѣстное устройство плотинъ и бассейновъ тѣмъ необходимѣе, что количество воды въ горныхъ рѣкахъ мѣняется чрезвычайно сильно. Когда горные потоки обращаются въ ревущія и половодныя рѣки, то нѣтъ никакой возможности удалить существующія плотины съ требуемою быстротою. Вода съ неистовымъ шумомъ низвергается черезъ плотины и болѣе слабыя мѣста береговъ и срываетъ все на своемъ пути, занося на большія протяженія поля иломъ, пескомъ и галькой. Вода эта не только пропадаетъ для земледѣлія, но и повергаетъ въ бѣдствіе города и веси.

Арыки подраздѣляются на три разряда: главные, побочные (второстепенные) и развѣтвляющіеся (третьестепенные).

При ханахъ каждый хозяинъ, участвовавшій въ проведеніи арыка, могъ пользоваться землей въ размѣрѣ числа кошей, которое онъ выставлялъ для работы (кошъ—парная упряжка сохи, а также количество земли, которое можетъ быть вспахано въ день одной парой воловъ). Сколько выставлялъ хозяинъ кошей, столько подымалъ у себя и земли для посѣва, настолько-же и пользовался водой.

Когда мы заняли Туркестанъ, водами завѣдывали и заправляли старѣйшины (арыкъ-аксакалы, т. е. арычные „сѣдобородые"), избиравшіеся самимъ народомъ, подобно прочимъ должностнымъ лицамъ общины. Они назывались кокъ-баши и мирабъ-баши.

На кокъ-баши, который въ точности долженъ былъ знать потребности своего района, возлагалась обязанность равномѣрно распредѣлять воду между отдѣльными садами и полями, какъ для домашняго обихода, такъ и въ особенности для орошенія земель посредствомъ канавокъ наименьшей величины. На немъ-же лежала забота о поддержаніи арыковъ (въ данномъ случаѣ второго и третьяго порядка). Въ случаѣ поврежденій кокъ-баша принималъ мѣры къ исправленію ихъ, или съ помощью рабочихъ силъ, находящихся въ его районѣ, или—при значительности необходимыхъ работъ—посредствомъ людей изъ дальнихъ мѣстъ, призывавшихся уже мирабъ-башами.

Изъ среды нѣсколькихъ кокъ-башей, завѣдывавшихъ смежными канавами, избирались заинтересованными обществами мирабъ-баши, какъ назывались главные распорядители водъ.

На мирабъ-башу возлагался надзоръ за періодической очисткой и поддержаніемъ главныхъ каналовъ и надлежащемъ распредѣленіемъ воды въ различныхъ каналахъ второго порядка. Въ случаѣ значительныхъ поврежденій въ каналахъ перваго и второго порядка, на немъ-же лежала обязанность призывать рабочихъ издалека.

Эти избранныя обществомъ должностныя лица не получали опредѣленнаго содержанія, а пользовались частью собраннаго зерна, причемъ размѣръ приношенія всецѣло зависѣлъ отъ воли дателя. Каждый домохозяинъ представлялъ въ пользу кокъ и мирабъ-башей большее или меньшее количество зерна, смотря потому, насколько былъ доволенъ ихъ управленіемъ. Благодаря такому порядку избиратели являлись цѣнителями ревности и честности поставленныхъ ими распорядителей. Если несогласія между мирабами и населеніемъ не улаживались, то дѣло поступало на разсмотрѣніе народнаго собранія какъ послѣдней инстанціи.

Русскія административныя власти признали всѣ эти установленія до такой степени полезными, цѣлесообразными и прочно укоренившимися, что въ первые годы не рѣшались дѣлать въ установившемся порядкѣ никакихъ измѣненій. Рѣшено было ознакомиться съ дѣломъ поближе, а пока предоставить уѣзднымъ начальникамъ свободно разрѣшать встрѣчающіеся на практикѣ случаи, до тѣхъ поръ пока въ центральномъ управленіи не будутъ выработаны общія правила по части администраціи водъ.

Въ настоящее время, согласно ст. 256 Турк. Пол., воды въ главныхъ арыкахъ, ручьяхъ, рѣкахъ и озерахъ предоставляются населенію въ пользованіе, по обычаю. Завѣдываніе главными оросительными каналами возлагается на арыкъ-аксакаловъ, а завѣдываніе побочными арыками — на мирабовъ. Арыкъ-аксакалы назначаются военнымъ губернаторомъ, который опредѣляетъ имъ и размѣръ содержанія изъ общественныхъ суммъ, не свыше содержанія волостного управителя, а мирабы — по избранію сельскихъ сходовъ. Права и

обязанности по завѣдыванію ирригаціею уѣздныхъ начальниковъ, арыкъ-аксакаловъ и мирабовъ опредѣляются инструкціею, утвержденною генералъ-губернаторомъ въ 1888 году.

На основаніи этой инструкціи мирабъ въ завѣдываніи водой обязанъ исполнять постановленія сельскаго общества, которыя должны быть выражены письменно въ приговорѣ, копія съ котораго должна быть представлена начальнику уѣзда. Приговоры общества должны заключать въ себѣ указанія какъ по содержанію и исправленію арычной системы, такъ и по распредѣленію воды. Мирабъ обязанъ содержать ввѣренные его надзору арыки въ полной исправности, въ смыслѣ удовлетворенія водой всѣхъ культурныхъ земель и сбереженія воды отъ излишней траты. Въ случаѣ нарушенія кѣмъ-либо изъ членовъ общества постановленія, какъ-то: измѣненіе очереди, увеличеніе притока воды, измѣненіе сооруженій и т. п. мирабъ обязанъ возстановить нарушенное и, въ случаѣ сопротивленія, обязанъ обратиться къ содѣйствію сельскаго старшины. Для содержанія въ исправности оросительныхъ сооруженій онъ имѣетъ право требовать отъ общества необходимое число рабочихъ. Жалоба на мираба со стороны членовъ общества о неправильномъ исполненіи имъ лежащихъ на немъ обязанностей приносится сельскому старшинѣ, для передачи на обсужденіе сельскаго схода, постановленіе коего для мираба обязательно.

Завѣдывающій водою въ главномъ арыкѣ арыкъ-аксакалъ обязанъ содержать въ исправности ввѣренный его надзору каналъ, а также поддерживать уровень и количество протекающихъ водъ въ размѣрѣ, нужномъ и установленномъ обычаемъ для побочныхъ арыковъ. При нарушеніи членами обществъ порядка водопользованія, арыкъ-аксакалъ, равнымъ образомъ и мирабъ, обращаются за содѣйствіемъ къ сельскому старшинѣ и волостному управителю, а въ случаѣ надобности доносятъ на распоряженіе участковому приставу или уѣздному начальнику. Переустройство головныхъ сооруженій въ системѣ, а равно проведеніе новыхъ, расширеніе или углубленіе существующихъ арыковъ, когда съ этимъ сопряжено измѣненіе обычныхъ правъ пользованія водою, или-же увеличеніе воды въ системѣ для орошенія земель, но лишь

внутри надѣловъ, — допускается не иначе, какъ съ согласія подлежащихъ обществъ и съ разрѣшенія военнаго губернатора, по разсмотрѣніи заключеній завѣдывающаго ирригаціею въ области и уѣзднаго начальника. Арыкъ-аксакалъ обязанъ имѣть въ исправности подробное описаніе главнаго канала или рѣчки, порученныхъ его завѣдыванію, а также описаніе всѣхъ второстепенныхъ каналовъ, съ показаніемъ расхода воды во ввѣренной его надзору системѣ. На немъ-же лежитъ обязанность слѣдить за дѣятельностью мирабовъ въ отношеніи надзора ихъ за головными сооруженіями арыковъ, причемъ о замѣчаемыхъ неисправностяхъ арыкъ-аксакалъ сообщаетъ обществу черезъ старшину. Если общество не обратитъ вниманія на это сообщеніе — доноситъ начальнику уѣзда, которому приноситъ и всѣ остальныя жалобы, касающіяся ирригаціоннаго дѣла. Вообще, во всѣхъ случаяхъ, когда его знанія недостаточны и не могутъ помочь дѣлу, арыкъ-аксакалъ обязанъ доносить начальнику уѣзда, который даетъ свои указанія, ознакомившись съ дѣломъ или лично, или черезъ командированныхъ арыкъ-аксакаловъ, и сообщаетъ о своемъ указаніи, для свѣдѣнія, завѣдывающему ирригаціею. До военнаго губернатора дѣло доходитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда невозможно обойтись безъ участія завѣдывающаго ирригаціею. Затѣмъ, къ обязанностямъ уѣзднаго начальника относится надзоръ за дѣятельностью мирабовъ и арыкъ-аксакаловъ, равно какъ и за общимъ порядкомъ водопользованія, а также разверстка по обществамъ рабочихъ и количества матеріаловъ, необходимыхъ для ремонта оросительныхъ сооруженій.

Наконецъ, завѣдывающій ирригаціею вѣдаетъ ирригаціоннымъ дѣломъ области по вопросамъ научнымъ и техническимъ, для содѣйствія своими познаніями правильному дѣйствію орошенія и дальнѣйшему развитію его. На завѣдывающаго ирригаціей возложены инструкціей весьма важныя обязанности по изученію водопользованія. Такъ, къ кругу его дѣятельности относится установленіе правильнаго наблюденія надъ водопріемниками главныхъ оросительныхъ каналовъ, составленіе на основаніи существующихъ съемокъ и дополненіе подробной карты всей сѣти ирригаціонныхъ источниковъ и

вытекающихъ изъ нихъ питательныхъ каналовъ, вычисленіе, по плану, площадей земель, орошаемыхъ отдѣльно каждымъ каналомъ, опредѣленіе работы воды, необходимой для орошенія земель каждаго уѣзда и по каждому роду посѣва отдѣльно, при модулѣ, равномъ 0,0001 куб. саж. и, наконецъ, опредѣленіе количества воды, затрачиваемой непроизводительно. При этомъ завѣдывающій ирригаціей долженъ опредѣлять количество воды, остающейся въ излишкѣ отъ орошенія данной мѣстности и вмѣстѣ съ тѣмъ выяснять, какія изъ пустопорожнихъ земель могутъ быть оживлены насчетъ этого излишка не при посредствѣ дорого стоющихъ гидротехническихъ сооруженій, а лишь выдѣломъ части воды, сбереженной разумной эксплоатаціей каналовъ оросительной системы. Помимо того, завѣдывающій ирригаціей въ области долженъ вести общую отчетность по состоянію водопользованія.

Изъ описаннаго положенія дѣла видно, что пользованіе водой до сего времени находится какъ-бы внѣ сферы дѣйствія закона, и вся сложная система зиждущихся на водопользованіи интересовъ регулируется по обычаю туземнаго населенія и усмотрѣнію мѣстныхъ административныхъ властей. Но водныхъ обычаевъ туземцевъ мы не знали при завоеваніи края, не знаемъ и теперь, хотя владѣемъ страной уже болѣе 30 лѣтъ.

Условія ирригаціи могли-бы быть изучены лишь въ томъ случаѣ, если-бы завѣдываніе воднымъ дѣломъ съ самаго начала было ввѣрено особымъ организаціямъ, которыя имѣли-бы достаточное количество рабочихъ силъ въ видѣ спеціалистовъ агрономовъ, инженеръ-гидротехниковъ и юристовъ. Приступить къ выработкѣ необходимаго воднаго закона возможно будетъ лишь послѣ того, какъ будетъ собранъ достаточно обширный матеріалъ о порядкѣ водопользованія мѣстнаго населенія.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что учрежденіе особыхъ организацій для завѣдыванія воднымъ дѣломъ могло-бы быть осуществлено безъ обремененія государственнаго казначейства. Упорядоченіе натуральной ирригаціонной повинности дало-бы большія средства на содержаніе органовъ, вѣдающихъ воднымъ дѣломъ, органовъ, необходимыхъ прежде всего для самаго населенія.

Натуральною повинностью производятся работы въ водопріемникахъ главныхъ магистральныхъ арыковъ, выходящихъ непосредственно изъ рѣки, а также и на всѣхъ слабыхъ мѣстахъ ирригаціонныхъ каналовъ внутри орошаемой площади.

Въ производствѣ первыхъ работъ принимаютъ участіе всѣ жители, пользующіеся водою черезъ данный водопріемникъ, во вторыхъ-же работахъ — только тѣ, которые сидятъ ниже исправляемыхъ мѣстъ и, слѣдовательно, заинтересованы въ исправномъ содержаніи даннаго участка.

Сколько въ дѣйствительности населеніе уплачиваетъ за натуральную ирригаціонную повинность, неизвѣстно даже близко стоящей къ народу администраціи. Ни участковымъ приставамъ, ни уѣзднымъ начальникамъ не бываетъ извѣстно, какой способъ отбыванія натуральной повинности существуетъ среди туземцевъ, соблюдается-ли какая-либо очередь между отдѣльными членами извѣстнаго района, высылаются-ли, наконецъ, на работу только тѣ, кто имѣетъ землю, или также и безземельные.

Извѣстно лишь то, что вслѣдствіе сдѣланнаго распоряженія, выходитъ на работу опредѣленное число лицъ, и то всегда лишь треть или половина того количества, о высылкѣ котораго сдѣлано распоряженіе. По окончаніи каждой работы, а чаще всего по окончаніи всего ирригаціоннаго періода, составляются свѣдѣнія волостными управителями и арыкъ-аксакалами о количествѣ рабочихъ и матеріаловъ, употребленныхъ на работу, и представляются первыми — уѣзднымъ начальникамъ, а вторыми — завѣдывающему ирригаціею. При этомъ свѣдѣнія эти никогда не сходятся между собой. Обыкновенно у волостныхъ управителей какъ рабочихъ, такъ и матеріаловъ показано больше, чѣмъ у арыкъ-аксакаловъ. Эта разница въ итогахъ объясняется тѣмъ, что волостные управители составляютъ свои свѣдѣнія по полученнымъ ими распоряженіямъ о высылкѣ рабочихъ и доставкѣ матеріаловъ, между тѣмъ арыкъ-аксакалы составляютъ ихъ по ежедневнымъ записямъ дѣйствительно бывшихъ на работѣ людей и израсходованныхъ матеріаловъ.

Свѣдѣнія волостныхъ управителей не могутъ служить для оцѣнки дѣйствительной стоимости населенію натуральной ирригаціонной повинности. Подведя итоги числу рабочихъ и количеству матеріаловъ, употребленныхъ на работу, и переведя ихъ на деньги (причемъ трудъ малолѣтнихъ и подростковъ оцѣнивается обыкновенно одинаково съ трудомъ настоящихъ рабочихъ), сельская администрація поступаетъ такъ, какъ будто деньги эти кто-то уже уплатилъ и долженъ получить ихъ въ возвратъ со всего населенія, участвующаго въ водопользованіи. Для этого она производитъ раскладку исчисленной суммы между волостями, а затѣмъ и между сельскими обществами, и производитъ съ населенія сборъ денегъ. Между тѣмъ казалось бы, что разъ работы произведены натуральною повинностью лицами, вышедшими на работу, то этимъ дѣло и должно было бы кончиться, и расцѣнка работъ переводомъ на деньги должна бы имѣть лишь теоретическій характеръ.

При сборѣ съ населенія денегъ за ирригаціонныя работы плательщикамъ не выдается никакихъ квитанцій за отсутствіемъ квитанціонныхъ книгъ. Если же среди землевладѣльцевъ являются отдѣльныя личности (исключительно русскія), которыя требуютъ расписокъ въ уплатѣ слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ, то такимъ лицамъ сельскіе старшины выдаютъ расписки на клочкѣ бумаги, съ приложеніемъ, правда, должностныхъ печатей. Но сколько выдано такихъ расписокъ и вообще сколько собрано съ населенія денегъ за натуральную ирригаціонную повинность, этого никому не бываетъ извѣстно.

Если сельская администрація на пріобрѣтеніе блюда для поднесенія хлѣба-соли одному изъ генералъ-губернаторовъ собирала, вмѣсто нѣсколькихъ десятковъ, сотни рублей, по поводу чего въ свое время былъ помѣщенъ приказъ Начальника края въ „Туркестанскихъ вѣдомостяхъ“, то можно себѣ представить, какую сумму денегъ та же сельская администрація собираетъ съ населенія за ирригаціонныя работы. По нѣкоторымъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, а также по заявленіямъ, полученнымъ отъ туземцевъ, завѣдывающему ирригаціей въ Самаркандской области инженеру Петровскому удалось установить, что ежегодный сборъ на ирригаціонныя работы составляетъ 30 коп. съ танапа, или 1 р. 20 к. съ десятины.

На основаніи этихъ данныхъ оказывается, что на поддержаніе, напримѣръ, водопріемника Даргома, одного изъ наибольшихъ арыковъ въ Самаркандскомъ уѣздѣ, орошающаго въ общей сложности 60 тысячъ десятинъ, населеніе уплачиваетъ до 72.000 рублей, между тѣмъ какъ расходуется въ дѣйствительности, по утвержденію завѣдывающаго ирригаціей, не болѣе 8.000 рублей.

При ежегодномъ сборѣ съ населенія такихъ громадныхъ суммъ въ теченіе десятковъ лѣтъ, мы не имѣемъ въ результатѣ ровно ничего, такъ какъ всѣ сооруженія, возводимыя населеніемъ натуральной повинностью изъ хвороста, камыша, соломы и гальки, имѣютъ временный характеръ, очень непрочны и недолговѣчны, а главное не даютъ никакой возможности регулировать пропускъ воды въ каналы, и она, по совершенно случайнымъ и непредвидѣннымъ причинамъ, или направляется въ водопріемникъ арыка и рветъ возведенныя дамбы, или же отклоняется отъ него, оставляя на сухомъ мѣстѣ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ происходитъ въ самое горячее ирригаціонное время перерывъ водоснабженія, убытки отъ котораго не поддаются учету.

Въ послѣдніе годы населеніе, видя громадную пользу отъ гидротехническихъ сооруженій, устроенныхъ при развѣтвленіяхъ магистральныхъ арыковъ, часто само проситъ устроить такія же сооруженія и въ головахъ ихъ, причемъ даже выражаетъ готовность принять на себя расходы по постройкѣ съ уплатою необходимой суммы въ теченіе 3—5 лѣтъ.

Между тѣмъ деньги, взимаемыя съ населенія на ирригацію, вмѣсто того, чтобы итти на улучшеніе оросительныхъ сооруженій и на дѣло упорядоченія водопользованія, получаютъ совсѣмъ другое назначеніе.

Въ настоящее время дѣла по орошенію ввѣрены всѣмъ—мирабамъ, сельскимъ старшинамъ, арыкъ-аксакаламъ, волостнымъ управителямъ, участковымъ приставамъ, уѣзднымъ начальникамъ, завѣдывающимъ ирригаціею и губернаторамъ. Въ частности же непосредственно никто ирригаціею не завѣдываетъ. Спрашивается, отъ кого же можно требовать свѣдѣній и матеріаловъ для выполненія такой сложной задачи, какъ подготовка законопроекта о водномъ правѣ?

По инструкціи 1888 года какъ будто имѣется основаніе предъявлять подобныя требованія къ арыкъ-аксакаламъ, т.-е. къ завѣдывающимъ ирригаціонными системами и къ ихъ помощникамъ, младшимъ арыкъ-аксакаламъ. Но если познакомиться ближе съ положеніемъ этихъ должностныхъ лицъ, то станетъ очевидно, что многаго отъ нихъ требовать нельзя. Дѣло въ томъ, что по ст. 107 Турк. Пол., опредѣляемое военными губернаторами арыкъ-аксакаламъ вознагражденіе не можетъ превышать содержанія волостного управителя. Эти лица общественнаго управленія получаютъ въ Ферганѣ, напримѣръ, по 900 руб. въ годъ и завѣдываютъ въ административно-полицейскомъ отношеніи районами, въ среднемъ не превышающими 15 тыс. десятинъ, т.-е. около 140 квадр. верстъ. Насколько велики пространства, которыми завѣдываютъ арыкъ-аксакалы, можно видѣть изъ того, что, напримѣръ, Шахимарданская система орошаетъ 560 квадр. верстъ, Исфайрамская—680, Араванская—420, Шарихансайская—530, Андижансайская—330, Улугнарская—360, Акбуринская—580.

Не только старшіе аракъ-аксакалы, завѣдывающіе цѣлыми системами, но и помощники ихъ вѣдаютъ орошеніе въ рядѣ волостей. Между тѣмъ лишь нѣсколько старшихъ арыкъ-аксакаловъ получаютъ такое же жалованье, какъ волостные управители, младшіе же арыкъ-аксакалы не получаютъ больше 600 руб., а иногда жалованіе ихъ понижается до 360 руб. При такихъ условіяхъ, принявъ къ тому же во вниманіе необходимость постоянныхъ разъѣздовъ, можно ли разсчитывать имѣть на этихъ должностяхъ лицъ достаточно просвѣщенныхъ и добросовѣстныхъ, обладающихъ при этомъ спеціальнымъ гидротехническимъ образованіемъ? И дѣйствительно, въ Ферганѣ лишь среди старшихъ арыкъ-аксакаловъ есть лица, знающія свое дѣло, что же касается мирабовъ, то они почти сплошь неграмотны и назначаются по представленію уѣздныхъ начальниковъ и участковыхъ приставовъ изъ бывшихъ джигитовъ, переводчиковъ, писцовъ и тому подобныхъ служащихъ, ничего общаго съ ирригаціею никогда не имѣвшихъ.

Такое положеніе дѣла крайне затрудняетъ правильное экономическое развитіе края, отдаляя на долгое время неизбѣжное перенесеніе вопросовъ водопользованія на правовую почву, что такъ необходимо для развитія мирнаго труда, и не давая возможности расширять уже существующія оросительныя системы. Вопросъ этотъ имѣетъ исключительно важное значеніе, въ особенности, если принявъ во вниманіе, что приростъ осѣдлаго населенія и значительное число безземельныхъ, которыхъ въ Ферганѣ, напримѣръ, свыше 15%, не говоря уже о задачахъ колонизаціи, потребуетъ со временемъ значительнаго расширенія культурной площади въ краѣ.

Кромѣ устройства новыхъ ирригаціонныхъ сооруженій, весьма значительному расширенію площади поливныхъ земель можетъ способствовать также урегулированіе уже существующихъ ирригаціонныхъ системъ.

Воды во время весенняго и зимняго періода, равнымъ образомъ и ночной расходъ воды въ теченіе поливного періода тамъ, гдѣ ночью его не производятъ, не могутъ быть используемы первобытными системами орошенія. Устройство шлюзовъ и системъ бассейновъ даетъ возможность задерживать излишки воды во время наименьшаго ея потребленія съ тѣмъ, чтобы продуктивно использовать ее въ періодъ, требующій орошенія. Такое упорядоченіе ирригаціонныхъ системъ является наименѣе сложнымъ способомъ расширенія площади орошенныхъ земель, увеличивающимъ ее до 20—30%.

Для упорядоченія воднаго хозяйства въ существующихъ оросительныхъ системахъ требуется прежде всего произвести учетъ въ различные періоды количества наличной воды, используемой для орошенія, а также опредѣлить общую площадь земли, орошаемой этою водою въ настоящее время. Это дастъ возможность опредѣлить для настоящаго времени такъ называемый модуль примитивнаго орошенія, т.-е. соотношеніе между дѣйствительно используемой населеніемъ водой и площадью орошенной земли. Если допустить, что за жителями, пользующимися существующими ирригаціоными системами, будетъ фиксировано право на орошеніе той площади, которая ими будетъ орошаться ко времени производства обслѣдованія, то за этимъ населеніемъ, при установленіи опредѣленнаго модуля, можетъ быть закрѣплено право на

извѣстное количество воды. Такой модуль орошенія можетъ подвергаться съ теченіемъ времени пониженію путемъ установленія болѣе цѣлесообразнаго порядка водопользованія.

Это упорядоченіе водопользованія въ дѣлѣ усовершенствованія воднаго хозяйства въ краѣ должно итти попутно съ урегулированіемъ водныхъ запасовъ въ ирригаціонныхъ системахъ. Чтобы значеніе этого вопроса стало вполнѣ ясно, слѣдуетъ указать, что даже въ Закаспійской области, гдѣ вода, въ виду ограниченности ея запасовъ, расходуется бережливѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было,—расходуютъ ее гораздо шире, чѣмъ надо: опытная станція въ Асхабадѣ довольствуется вдвое меньшимъ поливомъ, нежели туземцы, и тѣмъ не менѣе достигаетъ вполнѣ удовлетворительныхъ урожаевъ. Въ другихъ областяхъ, особенно Сыръ-Дарьинской, поливъ производится еще обильнѣе, и лица, привыкшія къ условіямъ орошенія въ Закаспійской области, удивляются той, по выраженію извѣстнаго знатока дѣла г. Дингельштедта, „неразумной тратѣ воды, которая практикуется повсемѣстно, то по невѣжеству, то умышленно“. Прежде всего, масса воды тратится совершенно безполезно, заливая дороги, заболачивая нерѣдко значительныя пространства и т. под. Рисовыя плантаціи, требующія въ нѣсколько разъ большаго, чѣмъ сухіе посѣвы, количества воды, сокращаютъ очень существенно количество воды, которая могла бы быть обращена на развитіе орошенія въ краѣ. Интенсивность полива разныхъ растеній опредѣляется исключительно въ зависимости отъ степени обилія воды, которою располагаетъ отдѣльное лицо или группа населенія. При вполнѣ тождественныхъ естественныхъ условіяхъ, одни поливаютъ, напримѣръ, пшеницу 2—3 раза, другіе 3—4, а иногда даже до 6 разъ. Достойно вниманія при этомъ, что въ нѣкоторыхъ поселкахъ въ началѣ, когда у крестьянъ были небольшія запашки, яровые хлѣба поливались по 4 раза, въ настоящее же время, когда площадь запашекъ значительно увеличилась, поливъ производится всего по 2 раза.

Вообще, пользованіе водою находится въ самомъ хаотическомъ состояніи. Если поливныя земли находятся въ головѣ арыка, то владѣющія ими общины расходуютъ воду въ громадномъ количествѣ, такъ какъ пользуются первою очередью и ни отъ кого больше не зависятъ. Въ этихъ общинахъ поливаются даже такія пашни, на которыхъ прекрасно родится пшеница и безъ полива. Извѣстны далеко не рѣдкіе случаи, когда поливъ совершается исключительно въ цѣляхъ удобренія. Такой порядокъ водопользованія естественно наноситъ громадный ущербъ тѣмъ сосѣднимъ общинамъ, которыя расположены не въ головѣ арыка, а по среднему и нижнему его теченію.

Неудивительно при такихъ условіяхъ, что поливныя нормы, т.-е. размѣръ земельной площади, могущей быть орошенною извѣстнымъ количествомъ воды, представляются совершенно неустановленными. Данныя, которыя приводятся обыкновенно при исчисленіи водныхъ запасовъ, основаны на опытѣ Италіи и другихъ странъ, условія которыхъ не аналогичны Туркестанскимъ. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ разсчетахъ исходятъ изъ нормы въ 29,1 дес. на одинъ секундо-футъ воды, между тѣмъ какъ въ богатомъ водою Ташкентскомъ районѣ есть мѣстности, гдѣ секундо-футомъ поливается до 50 десятинъ. Вообще, мнѣнія относительно количества могущей быть орошенною земли расходятся въ такихъ широкихъ предѣлахъ какъ 30, 50 и 100 десятинъ на одинъ „кулакъ“ (мѣстная мѣра поливной воды, соотвѣтствующая $1^1/_4$—$1^1/_2$ секундо-футамъ). Какъ показываетъ произведенный на опытномъ полѣ въ Голодной степи учетъ потребной для орошенія воды, однимъ секундо-футомъ можно оросить свыше 50 десятинъ, получая при этомъ наивысшій урожай. Какъ велико пространство земли, которое могло бы быть орошено излишне затрачиваемой нынѣ водой, опредѣлить пока невозможно, однако, не подлежитъ сомнѣнію, что громадныя площади прекрасныхъ земель могутъ быть призваны къ жизни при условіи усовершенствованія туземной ирригаціонной системы.

Семирѣченская область едва-ли не болѣе другихъ областей Туркестанскаго края нуждается въ упорядоченіи воднаго хозяйства.

Въ то время какъ коренныя области Туркестана, Самаркандская и Ферганская, имѣютъ установившіеся вѣками обычаи пользованія оросительными водами и установленную

организацію, имѣющую надзоръ за водопользованіемъ, въ Семирѣченской области нѣтъ ни того, ни другого. Въ этой области въ отношеніи къ водѣ царитъ право сильнаго и недобросовѣстнаго, между тѣмъ успѣшный ходъ заселенія этой области находится, точно также какъ и другихъ областей Туркестана, въ полной зависимости отъ расширенія площади орошаемыхъ земель.

Если бы за владѣльцами орошенныхъ земель было закрѣплено право на воду, сообразно съ площадью этихъ земель и по разсчету выведеннаго путемъ обслѣдованія средняго модуля, то каждый хозяинъ имѣлъ бы возможность посредствомъ экономіи воды оросить и большую площадь по сравненію съ той, которую онъ до того орошалъ, въ томъ случаѣ, если бы въ сферѣ орошенія данной системы и въ границахъ землепользованія хозяйства имѣлись свободныя и пригодныя для того земли. При указываемомъ порядкѣ у каждаго является желаніе болѣе экономнаго использованія закрѣпленнаго за нимъ количества воды. Такимъ образомъ, съ одной стороны, регулируя при помощи шлюзовъ и системъ резервуаровъ, отпускъ воды въ различные періоды орошенія, съ другой стороны, фиксируя права на уже используемое количество воды по опредѣляемому модулю и упорядочивая водопользованіе,—государство, не прибѣгая къ новымъ ирригаціоннымъ сооруженіямъ, становится собственникомъ значительныхъ водныхъ запасовъ, которыми и можетъ распорядиться по своему усмотрѣнію. При этомъ необходимо указать, что для осуществленія въ водномъ хозяйствѣ такой программы требуется особый надзоръ за ирригаціонными системами, который долженъ быть ввѣренъ спеціальной организаціи.

Если бы удалось твердо установить, что для успѣшнаго веденія поливного хозяйства требуется не то количество воды, какое въ настоящее время расходуется какъ туземцами, такъ и русскими переселенцами, то стало бы очевиднымъ прежде всего, что свободные въ настоящее время запасы воды, могущіе быть использованными для надобностей русской колонизаціи, могли бы оросить гораздо большее количество земли, чѣмъ при безпорядочномъ пользованіи водой. Затѣмъ, если

бы оказалось неоспоримымъ, что уже пользующееся водой населеніе, русское и туземное, можетъ безъ всякаго ущерба для себя обойтись меньшимъ количествомъ воды, нежели оно расходуетъ въ настоящее время, то вполнѣ умѣстно было бы поставить вопросъ о сокращеніи отпуска воды этому населенію и объ использованіи освобождающихся такимъ образомъ излишковъ для надобностей русской колонизаціи края. Отсюда становится ясной необходимость, попутно съ тѣми изслѣдованіями, которыя будутъ предпринимаемы въ будущемъ въ землеотводныхъ цѣляхъ, приступить также къ изслѣдованію вопроса и о нормально необходимомъ количествѣ поливной воды при разнаго рода почвенныхъ и атмосферическихъ условіяхъ, а также разнаго рода культурахъ. Данныя этого рода изслѣдованія должны послужить основаніемъ для фиксаціи въ законодательномъ порядкѣ права населенія на воду, используемую въ цѣляхъ орошенія.

Въ настоящее время не только кочевники, но даже осѣдлое населеніе, получившее поземельно-податное устройство, не обладаетъ какими-либо количественно опредѣленными правами по водопользованію. По отношенію къ пользованію водою права этого населенія опредѣляются исключительно ст. 256 Турк. Пол., согласно которой пользоваться водой предоставляется населенію по обычаю. Обычай этотъ не кодифицированъ и толкуется мѣстными дѣятелями чрезвычайно разнообразно. Поскольку дѣло идетъ о взаимныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ группъ и лицъ изъ состава туземнаго населенія, пользующихся водою изъ одной оросительной системы, эта неопредѣленность не лишаетъ все-таки возможности выходить изъ возникающихъ затрудненій, такъ какъ вѣковымъ опытомъ туземцы пріучены къ рѣшенію взаимныхъ споровъ и пререканій. Но обычай совершенно отказывается служить, когда отношенія по водопользованію возникаютъ у туземцевъ съ водворяемыми въ тѣхъ же оросительныхъ системахъ русскими поселенцами, и тѣмъ болѣе, когда заходитъ вопросъ о разграниченіи правъ по распоряженію и пользованію водою между населеніемъ и государственною властью.

При неизбѣжномъ въ ближайшемъ будущемъ ограниченіи

установившагося пользованія оросительною водою, необходимо возникнетъ юридическій вопросъ о верховныхъ правахъ въ этомъ отношеніи государства. Одни полагаютъ, что обычай предоставляетъ Государю полное право распоряженія водными богатствами края и уполномочиваетъ такимъ образомъ правительственную власть ограничивать и регулировать водопользованіе по ея усмотрѣнію. Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ принципъ былъ выраженъ въ п. 1 инструкціи К. П. фонъ-Кауфмана, согласно которой каждый землевладѣлецъ имѣетъ право на воду „въ той мѣрѣ, какая необходима“ по количеству земли и рода посѣвовъ. Другіе допускаютъ возможность и другого толкованія мѣстныхъ обычаевъ. Во всякомъ случаѣ для упорядоченія водопользованія въ Туркестанѣ требуется изданіе особаго закона, который уполномочивалъ бы правительственную власть использовать для своихъ цѣлей тѣ запасы воды въ существующихъ оросительныхъ системахъ, которые будутъ признаны излишними для обладателей этихъ водъ. Изданіе такого закона по отношенію къ кочевому населенію не встрѣтило бы никакихъ затрудненій, такъ какъ ст. 256 Турк. Пол. на него не распространяется и вообще его права на воду не опредѣлены закономъ.

Выработка воднаго закона необходима также и для расширенія площади орошаемыхъ земель путемъ сооруженія новыхъ каналовъ.

Въ Туркестанѣ культура возможна лишь на орошаемыхъ земляхъ, богарныя земли могутъ служить лишь подспорьемъ въ хозяйствѣ, между тѣмъ свободныхъ поливныхъ земель нѣтъ ни одной десятины. Болѣе или менѣе широкое развитіе колонизаціи возможно лишь при условіи орошенія новыхъ земельныхъ пространствъ. По исчисленію генерала Жилинскаго въ нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ, не считая Закаспійской области, возможно оросить не менѣе одного милліона десятинъ.

Въ ближайшее время намѣчены слѣдующія работы: въ Самаркандской области—юго-восточная часть Голодной степи (до 50 тыс. дес.), сѣверная и западная часть Голодной степи (300.000 д.) и районъ Дальверзинъ-Арыкъ, на правомъ берегу Сыръ-Дарьи (40 т. дес.); въ Сыръ-Дарьинской области—

долина рѣки Келеса, въ Ташкентскомъ уѣздѣ (22.000 дес.), низовья рѣки Арыси, въ Чимкентскомъ уѣздѣ (18.800 дес.), районъ р. Чирчика (20.000 дес.); въ Ферганской — урочище Бусъ въ районѣ Улугнаръ-арыка (16.250 д.), въ томъ же районѣ еще 83.750 д., въ Кугартской долинѣ—2.700 дес., въ Учъ-Курганской степи—15.000, въ побережьѣ р. Сыръ-Дарьи, въ Кокандскомъ уѣздѣ—50.000 дес., въ низовьяхъ Шариханъ-сая—10.000 дес., въ юго-западной части Наманганскаго уѣзда 40.000 дес. и въ сѣверо-западной части Ошскаго уѣзда—15.000 десятинъ.

Расходъ на орошеніе, въ среднемъ, не можетъ быть опредѣленъ ниже 75 руб. на десятину. Такъ какъ казнѣ затруднительно отпускать большія средства на орошеніе новыхъ земель, то привлеченіе частныхъ капиталовъ къ дѣлу ирригаціи могло бы много помочь расширенію площади культурныхъ земель въ краѣ.

Въ послѣднее время было нѣсколько случаевъ обращенія къ правительству частныхъ капиталистовъ съ ходатайствами о выдачѣ концессій на производство оросительныхъ работъ въ Туркестанѣ. Но при осуществленіи намѣченныхъ проектовъ, не говоря уже объ отсутствіи закона о пользованіи водой, придется, кромѣ того, столкнуться еще и съ правами туземнаго населенія на землю.

Если передъ началомъ постройки канала въ Голодной степи возбуждался вопросъ о томъ, не наносится-ли ущерба кочевому киргизскому населенію орошеніемъ пустыни, мертвой почти круглый годъ, то тѣмъ болѣе будутъ возникать такіе вопросы при орошеніи площадей въ районахъ болѣе населенныхъ.

Въ этомъ отношеніи въ высшей степени поучительно дѣло объ орошеніи Учъ-Курганской степи въ Ферганской области.

Военный губернаторъ, указывая во всеподданнѣйшемъ докладѣ въ 1903 году на важное значеніе развитія русской колонизаціи Туркестана, проектировалъ устройство поселенія на 100 семей, съ затратою до 3.000 руб. для расширенія площади орошенія на свободныхъ земляхъ долины р. Кугарта, въ Андижанскомъ уѣздѣ. При этомъ губернаторъ намѣчалъ

устройство поселеній въ Наманганскомъ и Андижанскомъ уѣздахъ на свободныхъ государственныхъ земляхъ, требующихъ лишь усиленія орошенія, а также полагалъ возможнымъ исполнить незаконченныя работы по орошенію Учъ-Курганской степи. На этомъ мнѣніи военнаго губернатора послѣдовала ВЫСОЧАЙШАЯ отмѣтка: „НЕСМОТРЯ НА ВОЙНУ ОБРАТИТЬ НА ЭТО ВНИМАНІЕ.“

Въ 1904 г. для осмотра подлежащей изысканіямъ мѣстности въ Кугартскую долину былъ командированъ инженеръ, который прежде всего обратился къ губернатору съ ходатайствомъ о выдачѣ ему плана Кугартской долины съ указаніемъ свободныхъ государственныхъ земель. Но отъ губернатора былъ полученъ отвѣтъ, что вопросъ о томъ, какія земли слѣдуетъ считать свободными государственными, можетъ быть выясненъ лишь впослѣдствіи, по окончаніи поземельно-податныхъ работъ.

Орошеніе Учъ-Кугартской степи такъ и не кончилось ничѣмъ, такъ какъ оказалось, что большая часть предназначенныхъ для орошенія земель либо принадлежитъ уже мѣстному населенію, либо можетъ понадобиться ему при дополнительныхъ поземельно-устроительныхъ работахъ.

Подобно тому, какъ въ древности всѣ дороги вели въ Римъ, такъ и въ Туркестанѣ теперь всѣ пути къ подъему экономическаго благосостоянія края и нашему укрѣпленію въ Средней Азіи уперлись въ одну стѣну. И эта стѣна—есть хаосъ въ поземельныхъ отношеніяхъ.

Въ нѣсколько особомъ, по сравненію съ другими областями Туркестанскаго края, находится Семирѣченская область, подчиненная съ 1897 г. Туркестанскому генералъ-губернатору, но управляющаяся, какъ это было уже выше указано, по Степному положенію.

Область эта, несмотря на отдаленность и отсутствіе удобныхъ путей сообщенія, привлекала переселенцевъ изъ Европейской Россіи и Сибири съ самаго начала утвержденія нашего владычества въ этомъ удаленномъ краѣ. Съ 1861 по 1880 г. было образовано 36 селеній, изъ коихъ донынѣ существуетъ 28 (прочія оставлены изъ-за неудачнаго выбора мѣстности); прибывавшіе въ область послѣ 1880 года размѣщались въ существовавшихъ селеніяхъ. Для упорядоченія развившагося движенія мѣстная администрація выработала правила о порядкѣ вызова переселенцевъ, о льготахъ и пособіяхъ для нихъ, о мѣрахъ къ хозяйственному благоустройству и объ управленіи въ предположенныхъ поселеніяхъ. Правила эти, не утвержденныя въ законодательномъ порядкѣ, дѣйствовали въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, подвергаясь нѣкоторымъ измѣненіямъ, сообразно съ требованіями практики.

Съ 1891 года, послѣ того какъ на Семирѣченскую область былъ распространенъ законъ о переселеніи 13 Іюля 1889 г., начинается новый періодъ въ исторіи крестьянскаго переселенія въ край. Періодъ этотъ характеризуется, главнымъ образомъ, борьбой администраціи съ прибывающими переселенцами-самовольцами. Мѣстная администрація руководствовалась дѣйствовавшимъ въ то время правиломъ, допускавшимъ переселеніе лишь съ разрѣшенія правительства, и распоряженіемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ о прекращеніи переселенія въ степныя области впредь до пріисканія свободныхъ земель. Однако, несмотря на неоднократно повторявшіяся запрещенія, переселенцы продолжали прибывать въ область и самовольно устраиваться на земляхъ, заарендованныхъ у киргизовъ. Селились эти самовольцы обыкновенно въ крестьянскихъ селеніяхъ и казачьихъ станицахъ, нанимая квартиры у старожиловъ.

Для устройства этихъ самовольныхъ переселенцевъ и вновь прибывающихъ въ область, въ 1905 г. была сформирована Семирѣченская партія по заготовленію переселенческихъ участковъ, которая въ первый годъ своего существованія ограничилась предварительными изысканіями въ землеотводныхъ цѣляхъ. Но уже въ 1906 году переселенческая организація Семирѣченской области приступила къ заготовленію переселенческихъ участковъ въ Пишпекскомъ и Вѣрненскомъ уѣздахъ. Въ минувшемъ 1907 г. завѣдывающій Семирѣченскимъ переселенческимъ райономъ, имѣя въ виду, что въ области находится 23.500 душъ мужскóго пола неустроенныхъ переселенцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые ждутъ надѣленія землей 5—6 и даже 20 лѣтъ, запроектировалъ въ различныхъ мѣстностяхъ области 36 участковъ, площадью

около 300.000 десятинъ на 30.000 слишкомъ душевыхъ долей. Утвержденіе этихъ участковъ и водвореніе на нихъ долгіе годы ждущихъ своего устройства переселенцевъ устранило бы теперешнюю остроту положенія. Однако образованіе этихъ участковъ вызвало возраженія со стороны мѣстной администраціи, высказывавшей опасенія, что предположенными подъ участки изъятіями земель изъ пользованія киргизовъ нарушаются жизненные интересы кочевого населенія. Дѣло въ томъ, что естественно-историческое и хозяйственно-статистическое изслѣдованіе Степного края экспедиціей Щербины не коснулось Семирѣченской области, вслѣдствіе чего переселенческой организаціи пришлось выработать временныя нормы обезпеченія землей туземнаго населенія. Между тѣмъ утвержденіе этихъ нормъ генералъ-губернаторомъ крайне задерживалось.

Для разработки плана опредѣленія колонизаціонной емкости Семирѣчья и увеличенія пригодной для культуры площади путемъ различнаго рода земельныхъ улучшеній, Главноуправляющимъ Земледѣліемъ и Землеустройствомъ княземъ Васильчиковымъ было назначено въ Февралѣ 1907 г. особое Совѣщаніе, которое признало необходимымъ произвести одновременныя хозяйственно-статистическія, естественно-историческія, гидрогеологическія и гидротехническія изслѣдованія—послѣднія въ смыслѣ выясненія возможности обезпеченія земельныхъ площадей орошеніемъ безъ дорого стоящихъ ирригаціонныхъ сооруженій.

При обсужденіи вопроса объ условіяхъ водворенія переселенцевъ, Совѣщаніе приняло во вниманіе особенности края и высказалось за образованіе хуторскихъ хозяйствъ, единственно обезпечивающихъ производительность труда, отводъ для сельско-хозяйственныхъ цѣлей земельныхъ участковъ лицамъ всѣхъ сословій, и, наконецъ, за взиманіе съ переселенцевъ, водворенныхъ на орошенныхъ казною земляхъ, платы за пользованіе водою изъ оросительныхъ сооруженій.

VI.

Какъ всякая наука, какъ всякая практическая дѣятельность, политика также имѣетъ свои аксіомы. На войнѣ каждая

стратегическая операція должна имѣть свою базу: армія безъ базы есть то же, что дерево безъ корней. То же самое и въ политикѣ: занимая новыя земли, надо базироваться на свою страну, на ея способность утвердить свое господство въ занимаемыхъ территоріяхъ. Когда мы двинулись въ Маньчжурію, мы имѣли за собой безконечную, полупустынную Сибирь, а наша непосредственная база, сопредѣльная съ новой областью, была почти совершенно безлюдна. На 100 милліоновъ десятинъ, прилегающихъ къ границѣ, мы имѣли всего около 300.000 человѣкъ своего населенія!

А въ Маньчжуріи уже въ то время было свыше 12 милліоновъ жителей—больше, чѣмъ во всей русской Азіи. Уже тогда южныя и отчасти среднія части занятой области мало чѣмъ отличались отъ прекрасно-воздѣланныхъ мѣстностей собственнаго Китая. Окитаеніе туземнаго населенія уже тогда подвинулось настолько далеко, что почти невозможно было встрѣтить въ странѣ чистокровнаго типичнаго маньчжура, и колонизація ея производилась энергично и планомѣрно въ направленіи къ нашимъ рубежамъ. Теперь уже не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что въ очень недалекомъ будущемъ вся Маньчжурія, край еще такъ недавно дикій и пустынный, благодаря водворенію китайской народности, мало-по-малу покроется цвѣтущими нивами съ бойкимъ обильнымъ населеніемъ. Посредствомъ своихъ школъ, устраиваемыхъ во всѣхъ безъ исключенія, даже самыхъ незначительныхъ поселеніяхъ, китайцы подчинили себѣ Маньчжурію и въ нравственномъ отношеніи. Они привили имъ всѣ свои національныя особенности, начиная съ языка и религіи и кончая мелкими подробностями повседневнаго быта. Передъ нами выросла и все разрастается значительная сила—массивъ населенія высокой земледѣльческой культуры.

Въ прошлое время, при другихъ обстоятельствахъ, нашему племени было достаточно тонкимъ слоемъ разлиться по великому материку, чтобы утвердить на немъ свое господство.

Мэкензи Уоллесъ еще сорокъ лѣтъ назадъ замѣтилъ, что „сила территоріальнаго расширенія Россіи всегда была больше силы усвоенія присоединенныхъ народностей“. Явленіе вполнѣ естественное, и ему мы обязаны своими необъятными размѣ-

рами. Народы, занимающіеся земледѣліемъ въ первобытной его формѣ, всегда склонны итти вширь, и интенсивная культура утверждается не легко, пока есть возможность для такого расхожденія. Но теперь обстоятельства рѣзко измѣнились: и на Дальнемъ Востокѣ, и въ Туркестанѣ мы соприкасаемся съ народами высочайшей земледѣльческой культуры, и необходимо предвидѣть послѣдствія создавшагося положенія вещей. Мы преждевременно вступили въ драматическій періодъ своей исторіи: пора подумать, чтобы онъ не сталъ для насъ роковымъ.

Предостереженіе Уоллеса становится особенно грознымъ теперь, когда уже сдѣланъ починъ нашего даже территоріальнаго умаленія. „Отъ водъ Малайскихъ до Алтая“ и даже дальше, до самой Ферганы, мы имѣемъ передъ собой силу, безостановочно растущую въ своемъ національнизмѣ—панмонгольскомъ и панисламистскомъ. Неизбѣжность всяческаго напора на насъ съ разныхъ сторонъ видна уже изъ того, что у насъ на каждаго жителя приходится въ два раза болѣе земли, чѣмъ для всего человѣчества (15 дес. на душу въ Россіи и 7—въ остальномъ мірѣ). А если принять во вниманіе лишь нашихъ непосредственныхъ сосѣдей, то разница въ густотѣ населенія станетъ еще рѣзче. При такихъ условіяхъ созданіе на своихъ рубежахъ крѣпкаго, хозяйственнаго населенія—становится вопросомъ исключительной государственной важности. При этомъ необходимо замѣтить, что увлеченіе идеей развитія на нашихъ азіатскихъ границахъ казачества было-бы явной исторической ошибкой.

Казачество сослужило въ прошломъ и до сихъ поръ служитъ Россіи великую службу и пріобрѣтенныя имъ права и привилегіи неприкосновенны. Но создавать линію обороны изъ казачьихъ станицъ въ теперешнихъ, совершенно измѣнившихся, условіяхъ, значило-бы то же, что въ стратегіи—разбросать армію небольшими отрядами вмѣсто того, чтобы держать ее въ желѣзномъ кулакѣ. Границы наши только тогда будутъ въ безопасности, когда на дальнихъ окраинахъ разовьется густое промышленное населеніе, экономически достаточно крѣпкое для того, чтобы вести съ желтымъ міромъ культурную борьбу и въ случаѣ надобности принять и выдерживать первые удары непріятеля. Густое китайское населеніе постепенно заливаетъ нашу землю—сила всегда дѣйствуетъ въ сторону наименьшаго сопротивленія. Могутъ-ли казаки быть въ этомъ отношеніи надежной плотиной, когда они сами же привлекаютъ на свои земли китайцевъ-арендаторовъ?

Война съ монгольскимъ міромъ будетъ имѣть видъ не мелкихъ набѣговъ на наши границы, легко отражаемыхъ сторожевыми постами,—намъ предстоитъ бороться съ громадными прекрасно-вооруженными и обученными непріятельскими арміями, которыя будутъ опираться на хорошо-оборудованныя базы и наступать на насъ при помощи планомѣрно-подготовленной сѣти путей сообщенія.

Если мы устроимъ для обороны своихъ дальнихъ рубежей пограничный казачій кордонъ, то непріятель прорветъ его, какъ паутину. Мы только тогда можемъ перестать опасаться за судьбу своихъ дальнихъ окраинъ, когда онѣ будутъ связаны съ центромъ желѣзными дорогами и начнетъ въ нихъ развиваться дѣятельная промышленная жизнь. На границахъ намъ нуженъ не кордонъ, а надежная база—людской массивъ. Устроить себѣ такую базу есть насущная задача настоящаго времени.

Согласно дѣйствующимъ узаконеніямъ, казенныя земли предоставляются переселенцамъ или въ общинное, или въ подворное безсрочное пользованіе. Избраніе того или другого порядка землевладѣнія зависитъ отъ самихъ переселенцевъ и опредѣляется приговоромъ подлежащаго сельскаго схода, постановленнымъ по большинству голосовъ лицъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ, а тамъ, гдѣ переселенцы не образуютъ отдѣльнаго сельскаго общества,—рѣшеніемъ, принятымъ большинствомъ всѣхъ наличныхъ въ поселкѣ переселенцевъ мужского пола.

Въ коренныхъ областяхъ Туркестана, по закону 10 Іюня 1903 года, земли орошаемыя отводятся переселенцамъ въ подворно-участковое пользованіе, прочія же—въ общественное, но на практикѣ это далеко не всегда осуществляется. При составленіи приговора о подворномъ или хуторскомъ пользованіи землею, переселенцы, водворенные на переселен-

ческихъ участкахъ, руководствуются нижеслѣдующими правилами: 1) подворное или хуторское хозяйство дозволяется лишь на заполненныхъ переселенческихъ участкахъ и 2) приговоръ о распредѣленіи земель между домохозяевами даннаго переселенческаго участка долженъ исходить отъ большинства двухъ третей домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ. Эти условія не облегчаютъ въ достаточной степени переходъ къ хуторскому хозяйству и почти повсемѣстно въ старыхъ переселенческихъ поселкахъ въ Туркестанѣ преобладаетъ общинное землевладѣніе, причемъ земля нерѣдко передѣляется даже по числу ѣдоковъ. Передѣлы наносятъ хозяйству тѣмъ большій вредъ, что сроки ихъ обыкновенно весьма незначительны. Черезполосица, дальноземелье, принудительность сѣвооборота—всѣ тѣ условія, которыя такъ тяжко отражаются на крестьянскомъ хозяйствѣ во внутреннихъ губерніяхъ, причиняютъ не менѣе существенный вредъ и въ Туркестанѣ. На общинныхъ поляхъ совершенно невозможны посѣвы ни озимыхъ, ни многолѣтнихъ растеній, такъ что необходимую въ мѣстномъ хозяйствѣ кормовую траву—люцерну, крестьяне почти совершенно лишены возможности сѣять на своихъ земляхъ и пользуются для этихъ посѣвовъ арендой киргизскихъ земель. При такомъ порядкѣ землепользованія даже вполнѣ достаточные надѣлы не обезпечиваютъ хозяйства крестьянъ, и если тѣмъ не менѣе они нерѣдко достигаютъ завиднаго благосостоянія, то это объясняется всецѣло широко распространенной арендой киргизскихъ земель. Арендуемыя земли весьма часто являются основой хозяйства въ то время какъ отведенныя переселенцамъ въ надѣлъ земли, будучи вполнѣ пригодны для земледѣлія, используются гораздо менѣе интенсивно, чѣмъ это было бы возможно по мѣстнымъ условіямъ. При началѣ колонизаціи, въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ путей сообщенія, хозяйство всегда состоитъ лишь въ использованіи естественнаго плодородія почвы.

Въ настоящее время во всемъ Туркестанѣ—около 120 русскихъ поселковъ, съ населеніемъ до 100.000 душъ, во владѣніи которыхъ находится 400.000 десятинъ земли. При дальнѣйшемъ развитіи колонизаціи необходимо предвидѣть, что привычка ранѣе осѣвшихъ переселенцевъ захватывать громадныя площади для хищнической распашки создастъ намъ большія затрудненія. Несмотря на огромные, по сравненію съ осѣдлыми туземцами, размѣры отведенныхъ имъ надѣловъ, переселенцы во что бы ни стало стремятся къ расширенію своего землепользованія, въ той или другой формѣ, за предѣлы своей надѣльной земли. Насколько были велики переселенческіе надѣлы, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: въ Ташкентскомъ уѣздѣ отводилось на семью 26 десятинъ, въ Чимкентскомъ 35 дес. и Ауліеатинскомъ—34 дес.; выраженіемъ неизмѣннаго стремленія переселенцевъ распахивать все новыя и новыя земли являются постоянныя жалобы на недостаточность земельныхъ надѣловъ и просьбы о прирѣзкахъ.

Облегчить въ Туркестанѣ возможность перехода къ болѣе культурнымъ формамъ землевладѣнія и измѣненіе порядка отвода земли переселенцамъ тѣмъ болѣе необходимо, что въ районахъ земледѣльческаго хозяйства край этотъ есть страна личнаго владѣнія землей. Матеріалы по изслѣдованію киргизскаго землепользованія въ Чимкентскомъ уѣздѣ даютъ очень цѣнныя указанія относительно порядка землепользованія кочевниковъ.

Поливныя пашни, возникшія послѣ проведенія арыковъ, находятся обыкновенно въ общинномъ пользованіи того рода, который общими усиліями оживилъ опредѣленное пространство земли. Богарныя же пашни распредѣляются между аулами и группами ауловъ болѣе случайно, внѣ зависимости отъ водопользованія. Въ подворномъ пользованіи состоятъ, главнымъ образомъ, усадебныя земли при зимовкахъ, находящіяся подъ постройками, посѣвами люцерны, огородомъ и садомъ, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ аулахъ имѣются также поливныя и богарныя пашни, находящіяся въ подворномъ пользованіи.

Все-таки большинство пашенъ находится въ общественномъ пользованіи и подвергается отъ поры до времени передѣламъ. Но при этомъ необходимо замѣтить, что передѣлы пахотной земли производятся всюду по дворамъ, а не по душамъ мужскимъ или обоего пола, какъ это постоянно почти встрѣчается у русскихъ переселенцевъ. Тѣмъ не менѣе, далеко не всѣ общины пользуются пахотными угодьями на основаніи передѣловъ. И въ настоящее время не мало такихъ общинъ,

которыя къ передѣламъ никогда не прибѣгаютъ. У нихъ поливныя и богарныя пашни еще предками передѣлены подворно, и земля переходитъ по наслѣдству отъ отца къ сыну. Наиболѣе цѣнныя угодья, какъ, напримѣръ, усадьба съ садами и съ посѣвами люцерны и кукурузы, а также рисовыя поля, почти никогда не подвергаются передѣламъ—они находятся въ подворно-наслѣдственномъ пользованіи.

Что же касается сартовъ, то еще раньше нашего утвержденія въ краѣ, при мусульманскомъ владычествѣ, земли общинныя, ходившія въ передѣлъ (такъ наз. „чаковыя"), были закрѣплены за каждымъ домохозяиномъ особо. И при этомъ были закрѣплены и обычаемъ и распоряженіемъ власти, т.-е. очевидно послѣ того, какъ обычное право относительно этихъ земель вошло въ свою полную силу. И каждый сартъ работаетъ надъ своимъ полемъ, какъ художникъ, и земля воистину обращается въ цвѣтущій садъ. Ясно, что въ такой странѣ невозможно нарѣзать большіе участки, чтобы посадить на нихъ толпу мужиковъ, которые сейчасъ же станутъ дѣлить землю по числу ртовъ, сѣютъ пшеницу на пшеницу 10 лѣтъ подрядъ, засоряютъ поле и кидаются искать новыхъ земель, чтобы и ихъ разграбить. Такая колонизація была бы покушеніемъ съ негодными средствами.

Если приходится, по необходимости, мириться съ подвореніемъ нашихъ обычныхъ порядковъ хозяйства въ районахъ зерновой культуры въ Туркестанѣ, то зато подборъ настоящихъ колонистовъ для земель, годныхъ подъ высшія культуры, становится уже необходимостью.

Россія ввозитъ изъ-за границы огромное количество хлопка. Такъ въ 1905 году ввозъ этотъ выразился громадной цифрой 108 милліоновъ рублей. Въ настоящее время мы производимъ у себя хлопка на 15—20 мил. рублей и, если бы удалось понизить привозъ хлопка хотя бы на половину и оставить у себя дома хотя бы 50 мил., то и это было бы блестящимъ результатомъ. Туркестанъ и Закавказье—это единственныя наши области, гдѣ возможно хлопководство, и мы должны употребить всѣ усилія, чтобы драгоцѣнныя земли, предназначенныя для высшихъ культуръ, переходили въ руки хозяйственныхъ русскихъ людей, способныхъ надлежащимъ образомъ использовать богатство природы.

Признанное несоотвѣтствіе между титуломъ владѣнія землей переселенцевъ за Ураломъ и началами землеустройства, положенными въ основу крестьянскаго законодательства Европейской Россіи, и предстоящая выработка законопроекта о надѣленіи землей на правѣ собственности какъ старожилаго населенія, такъ и новоселовъ на правѣ собственности,—даютъ основаніе разсчитывать на измѣненіе теперешняго положенія дѣла. Давно назрѣвшая потребность въ пріобрѣтеніи казенныхъ земель отдѣльными участками, лучше всего доказывается постоянно поступающими въ правительственныя учрежденія ходатайствами объ отводѣ подобныхъ участковъ. Въ настоящее время эти ходатайства не могутъ быть удовлетворены въ виду отсутствія соотвѣтствующихъ узаконеній. При этомъ необходимо замѣтить, что право пріобрѣтать землю въ Туркестанѣ, въ ограниченномъ, конечно, размѣрѣ, слѣдовало бы предоставить не только крестьянамъ и мѣщанамъ, но также русскимъ людямъ и другихъ званій, которые пожелали бы непосредственно приложить свой трудъ къ землѣ. Притокъ въ край тружениковъ, обладающихъ хоть какими-нибудь знаніями и капиталомъ, принесъ бы лишь пользу.

Взимать плату за воду, получаемую изъ построенныхъ казной сооруженій, является еще болѣе необходимымъ, чѣмъ взимать плату за земли.

Въ настоящее время вода для полива предоставляется крестьянамъ безплатно, но такой порядокъ вызываетъ прежде всего весьма неразсчетливое расходованіе этой воды, а затѣмъ развиваетъ въ крестьянахъ крайнюю требовательность, доходящую до отказовъ производить даже расчистку оросительныхъ каналовъ. Это сокращаетъ возможную площадь культурныхъ земель въ краѣ и возлагаетъ на казну непосильную обязанность не только производить затраты на образованіе переселенческихъ участковъ и устройство на нихъ орошенія, но также и нести постоянные расходы на поддержаніе въ исправности предоставленныхъ въ пользованіе переселенцевъ оросительныхъ сооруженій.

Когда переселенецъ будетъ сидѣть на своей собственной, нажитой трудомъ, землѣ и не будетъ стѣсненъ своими односельчанами, тогда пойдутъ ему впрокъ и показатель-

ныя хозяйства, и опытныя поля, и инструктора. Дорожить каждой каплей живительной влаги онъ выучится лишь тогда, когда будетъ платить казнѣ ту плату, которая необходима для возмѣщенія понесенныхъ ею расходовъ по устройству и содержанію ирригаціонныхъ системъ.

VII.

Въ заключеніе необходимо сказать еще нѣсколько словъ о податномъ обложеніи осѣдлаго туркестанскаго населенія.

Размѣръ государственнаго поземельнаго налога установляется въ десять процентовъ со средней валовой доходности подлежащихъ обложенію земель. Эта средняя валовая доходность опредѣляется Казенною Палатою по соображеніи: 1) пространства земли, дѣйствительно обрабатываемой подъ растенія, 2) доставляемаго имъ средняго урожая и 3) среднихъ мѣстныхъ, за послѣднее десятилѣтіе, цѣнъ на продукты, составляющіе главныя произрастанія участка. Средняя валовая доходность земель, занятыхъ посѣвами американскаго хлопка, отдѣльно не исчисляется и земли эти облагаются государственнымъ поземельнымъ налогомъ въ одинаковомъ размѣрѣ съ орошаемыми полями, занятыми прочими сухими посѣвами.

На всемъ земледѣльческомъ Востокѣ сборъ доли урожая натурой, слѣдовательно то, что мы вообще называемъ десятиной, представляетъ собою старинный и даже древнѣйшій налогъ. Этотъ поземельный налогъ, возникшій очевидно вслѣдствіе удобства взиманія, сдѣлался какъ бы естественною необходимостью въ глазахъ порабощеннаго человѣчества.

При ханахъ главные налоги были хераджъ, составлявшій 0,1 часть урожая, и танапъ, т.-е. 0,2 сбора. Этотъ налогъ несли болѣе доходные садовые участки, а также мелкія земельныя владѣнія. Впрочемъ, при неограниченномъ произволѣ и алчности азіатскихъ деспотовъ, нерѣдко бывали случаи, что размѣръ налоговъ, гдѣ только было возможно, вскорѣ переступалъ и эту границу. Въ Бухарѣ взималось обыкновенно 0,2 части сбора, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ брали даже половину.

Какъ ни высоко такое обложеніе, оно не вызывало со стороны народа такихъ нареканій, какъ непрестанное умноженіе ихъ. Ввозною пошлиной были обложены всѣ товары. Пошлина на скотъ, а также рыночный сборъ съ откормленнаго скота, была чувствительнѣе для земледѣлія всякой другой; еще болѣе тяжело лежалъ на народѣ соляной налогъ, такъ какъ соль, изъ-за бездорожья, была и безъ того въ большой цѣнѣ. Всѣмъ сборамъ съ жатвы всегда предшествовала хакъ-улла, т.-е. доля имама мѣстной печати, и затѣмъ уже собиралась доля въ пользу государства.

Кромѣ хераджа и танапа, существовалъ еще одинъ видъ поземельнаго налога—кошъ-пулъ, затѣмъ былъ еще земельный налогъ мирабъ-ана, и, кромѣ того, рядъ другихъ налоговъ, кипсень, тарикане и друг.

Занявъ край, мы оказались въ отношеніи налоговъ въ чрезвычайно благопріятномъ положеніи: страна находилась подъ давленіемъ податного винта, навинченнаго до послѣдней степени. Но великодушіе побѣдителя было примѣнено слишкомъ поспѣшно: вмѣсто постепенныхъ облегченій, главные налоги были сразу убавлены на 50%, а многіе второстепенные и совершенно отмѣнены.

Другая ошибка, можетъ быть неизбѣжная, состояла въ томъ, что рѣшено было величину налога сообразовать съ размѣромъ валового дохода съ земель. При разрѣшеніи этого вопроса руководствовались порядками, господствующими въ области экстенсивнаго земледѣлія и совершенно было упущено изъ виду, что въ коренныхъ областяхъ Туркестана мы имѣемъ дѣло съ весьма интенсивною и высокою культурой. И природа, и капиталъ, и трудъ тамъ участвуютъ въ производствѣ весьма напряженно. Не было также обращено достаточнаго вниманія на почву, совершенно отличающуюся отъ чернозема.

Между тѣмъ необходимо было помнить, что чѣмъ выше культура и чѣмъ болѣе, благодаря этому, возвышается валовой доходъ, тѣмъ сильнѣе возрастаютъ и расходы производства. Чѣмъ интенсивнѣе хозяйство, тѣмъ меньшую долю составляетъ чистый доходъ отъ валового. При интенсивномъ производствѣ каждый новый рубль, затрачиваемый

на производство, приноситъ дохода меньше, чѣмъ рубль предшествующій. Слѣдовательно, возрастаніе валового и чистаго доходовъ идутъ вовсе не параллельно, и въ то время, какъ валовой доходъ часто продолжаетъ повышаться, доходъ чистый уже падаетъ, и чѣмъ дальше—все быстрѣе и быстрѣе.

Въ виду неоспоримой справедливости этихъ положеній, совершенно неправильно облагать продукты интенсивнѣйшей культуры налогомъ въ 0,1 съ валового сбора.

Принимать валовой доходъ за норму обложенія возможно лишь тамъ, гдѣ почва представляетъ почти единственный источникъ сельско-хозяйственнаго производства—тамъ, гдѣ хищническая культура была по настоящее время экономически вѣрнымъ способомъ пользованія землей.

Положимъ, напримѣръ, что расходы производства составляютъ 80% валового дохода, что дѣйствительно бываетъ при высоко-интенсивной культурѣ,—тогда 10% валового дохода легко могутъ составить до 50 % дохода чистаго и, слѣдовательно, подорвать самую интенсивность культуры. Поэтому, необходимымъ основаніемъ для ближайшаго пересмотра кадастра должно быть собираніе возможно большаго числа, и притомъ совершенно надежныхъ данныхъ о чистыхъ доходахъ во всѣхъ отрасляхъ туркестанскаго полеводства.

Теперешнее обложеніе осѣдлаго населенія въ Туркестанѣ никакъ нельзя считать высокимъ. Есть полное основаніе утверждать, что оно значительно ниже, чѣмъ могло бы быть. Достаточно сказать, что среднее обложеніе десятины орошенной земли въ Ферганѣ колеблется отъ 1 р. 99 к. въ Ошскомъ уѣздѣ до 3 р. 32 к. въ Кокандскомъ, въ Самаркандской области—отъ 1 р. 46 к., въ Джизакскомъ уѣздѣ до 3 р. 19 к. въ Катта-Курганскомъ и, наконецъ, въ Сыръ-Дарьинской—отъ 16 к. въ Чимкентскомъ уѣздѣ до 61—въ Ташкентскомъ. Обложеніе земель богарныхъ повсюду гораздо ниже и не превышаетъ нигдѣ 97 коп., опускаясь въ нѣкоторыхъ уѣздахъ до 75 коп. съ десятины.

Насколько обложеніе это въ общемъ незначительно, можно судить по тому, что, по даннымъ министерства финансовъ, казенные, земскіе, мірскіе и страховые платежи съ крестьянъ

сѣверныхъ губерній составляли въ 1903 году 61% съ доходности, а по восточнымъ губерніямъ—39%, по среднепромышленнымъ—56% и по черноземнымъ—35%.

Фактически податное бремя для туркестанскаго населенія облегчается тѣмъ, что предусмотрѣнная закономъ переоброчка земель не производится долгими годами, хотя каждые шесть лѣтъ могутъ быть устанавливаемы новые оклады. Такъ, напримѣръ, въ Ферганѣ переоброчка не производилась уже 15 лѣтъ, несмотря на то, что экономическое положеніе края значительно за это время измѣнилось—проведена желѣзная дорога, развилось хлопководство и т. д. Населеніе пользуется дополнительно замежеванными за нимъ землями, но не платитъ за нихъ пока въ казну ни одной копѣйки. Убытокъ отъ этихъ непорядковъ въ податномъ дѣлѣ составляетъ ежегодно нѣсколько сотъ тысячъ рублей, а можетъ быть и больше. Становится понятнымъ, почему Туркестанъ приноситъ постоянные дефициты.

Кромѣ реформы податного обложенія, значительно улучшить нашъ разсчетный балансъ съ туркестанской окраиной могло бы упорядоченіе завѣдыванія государственными имуществами въ краѣ, весьма значительными, но дающими пока государству болѣе, чѣмъ скромный доходъ. Громадныя пространства казенныхъ лѣсовъ и оброчныхъ статей до сихъ поръ не приведены еще даже въ извѣстность. Такъ, въ Закаспійской области имѣется болѣе милліона десятинъ казеннаго лѣса, крупные рыбные, тюленьи, соляные и нефтяные промыслы, земельныя оброчныя статьи и т. д., которые при передачѣ ихъ въ спеціальное лѣсное вѣдомство могутъ дать казнѣ очень крупные доходы, тогда какъ теперь, оставаясь въ вѣдѣніи администраціи, одни изъ нихъ, а именно эксплоатируемые въ пользу земской кассы, приносятъ сравнительно незначительные доходы, а другіе, какъ, напримѣръ, рыбные и тюленьи промыслы, а также орѣховые лѣса, вовсе не даютъ ни казнѣ, ни земской кассѣ никакого дохода.

Между тѣмъ лѣса въ Закаспійской области настолько хищнически истребляются мѣстнымъ и пограничнымъ персидскимъ населеніемъ, что въ недалекомъ будущемъ могутъ совершенно исчезнуть. При этомъ необходимо замѣтить,

однако, что при отсутствіи ледниковъ на горныхъ вершинахъ Закаспійской области, горные лѣса этой области являются единственными собирателями и хранителями водъ, безъ которыхъ положительно немыслима жизнь и культура въ области. Эти же лѣса предохраняютъ горы отъ вывѣтриванія и разрушенія, а степная лѣсная растительность (главнымъ образомъ саксаулъ), скрѣпляя сыпучіе пески, является единственной защитой культурныхъ земель области, такъ какъ безъ этой растительности оазисы плодородныхъ почвъ, окруженные песками, были бы засыпаны ими и обращены въ пустыни, и, наконецъ, лѣсная растительность по берегамъ рѣкъ и рѣчекъ оберегаетъ легко размываемые лессовые берега отъ осыпей, размывовъ, а драгоцѣнныя воды рѣкъ отъ излишняго испаренія.

Вообще эксплоатація государственныхъ имуществъ въ Закаспійской области ведется мѣстной администраціей въ высшей степени ненормально. Не взирая на 25-лѣтнее пользованіе казною карендными землями (такъ называются казенныя орошенныя земли, сдаваемыя въ аренду изъ части урожая мѣстному туземному населенію), послѣднія не только не приведены въ точную извѣстность, но даже не нанесены на карту, хотя бы приблизительно. Опредѣленіе причитающейся въ пользу казны, по существующимъ условіямъ, одной пятой части дѣйствительнаго урожая продуктовъ никогда не производилось, и въ казну поступала, по удостовѣренію мѣстныхъ контрольныхъ чиновъ, лишь та часть урожая, которую добровольно отдавали сами арендаторы (дейханы) этихъ земель. Никакой отчетности по пріему, храненію и расходованію полученныхъ продуктовъ до послѣдняго времени не велось и, несмотря на требованіе Бакинской Контрольной Палаты (на обязанности которой лежитъ ревизія гражданской отчетности по Закаспійской области), о доставленіи ей соотвѣтственныхъ отчетовъ по карендному хозяйству, означенные отчеты на ревизію не представляются и описанное положеніе дѣла остается до сихъ поръ безъ измѣненія.

Въ столь же ненормальномъ положеніи находятся лѣса и въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ Туркестана.

На островахъ и по берегамъ рр. Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи имѣются значительныя тугайныя заросли, а въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ, кромѣ того, огромныя (свыше 4,5 милліоновъ десятинъ) саксауловыя заросли, не переданныя еще въ вѣдѣніе мѣстнаго Управленія Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. Заросли эти настолько хищнически истребляются пограничнымъ бухарскимъ и хивинскимъ населеніемъ, что въ недалекомъ будущемъ могутъ быть совершенно истреблены.

Саксауловыя и тугайныя заросли имѣютъ для Туркестанскаго края громадное значеніе. Онѣ охраняютъ культурные оазисы отъ поглощенія ихъ переносными песками и обусловливаютъ распространеніе въ пескахъ травяной растительности, поддерживающей степное скотоводство. Мало того, какъ показали опыты въ лѣсномъ питомникѣ у ст. Фарабъ Средне-Азіатской желѣзной дороги, саксаулъ побѣдоносно борется съ песчаной пустыней. Слѣдовательно, дальнѣйшее хищническое истребленіе этихъ зарослей повлечетъ за собою неисчислимыя гибельныя послѣдствія какъ для населенія, такъ и для казны, ибо въ недалекомъ будущемъ прилегающія къ пескамъ культурныя земли постигнетъ та же участь, какая постигла уже Каракульскій оазисъ въ Бухарскомъ ханствѣ и нѣкоторыя мѣстности Ферганской области, гдѣ множество полей засыпано пескомъ, сады и виноградники уничтожены и населеніе, послѣ неимовѣрной, но безуспѣшной борьбы съ песками, покинуло свои пепелища.

Для предотвращенія такого несчастья является необходимымъ немедленно передать уцѣлѣвшія отъ окончательнаго истребленія саксауловыя и тугайныя заросли въ бассейнахъ Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи, равно какъ и всѣ казенныя имущества въ Закаспійской области, въ вѣдѣніе мѣстнаго Управленія Земледѣлія, для охраненія ихъ и введенія въ нихъ разумнаго хозяйства.

Правильная эксплоатація 4 милліоновъ саксауловыхъ зарослей Аму-Дарьинскаго отдѣла, расположенныхъ вблизи густонаселенныхъ и совершенно безлѣсныхъ Хивинскаго и Бухарскаго ханствъ, безспорно могла бы дать казнѣ весьма значительный доходъ. Лѣсной ревизоръ Писчиковъ, призна-

вая въ своей брошюрѣ „Матеріалы для характеристики средне-азіатскихъ песчаныхъ пространствъ въ Кизиль-Кумскомъ районѣ Сыръ-Дарьинской области, изъ общаго пространства лѣса въ 4 милліона десятинъ, годными для немедленной эксплоатаціи 400 тыс. десятинъ, пишетъ: „Если принять возрастъ 100 лѣтъ за оборотъ рубки въ саксауловыхъ насажденіяхъ, то площадь годичныхъ лѣсосѣкъ составитъ въ данномъ районѣ 4.000 десятинъ и ежегодный доходъ казны выразится въ суммѣ 500.000 рублей, что на одну десятину эксплоатируемой площади составитъ 125 рублей., а на одну десятину общей площади лѣсовъ этого хозяйственнаго района—1 р. 25 к.

Въ трехъ коренныхъ областяхъ Туркестана—Сыръ-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской, общая площадь лѣсовъ, принятыхъ уже отъ областной администраціи чинами лѣсного вѣдомства въ теченіе 9-ти лѣтняго періода дѣятельности въ краѣ Управленія Государственныхъ Имуществъ простирается, по приблизительному исчисленію, до 7.440.000 дес., въ томъ числѣ горныхъ—1.414 тыс. дес., горно-культурныхъ—4.900 дес., степныхъ—5.970 тысячъ и тугайныхъ—51.000 десятинъ. Эти громадныя лѣсныя пространства приносятъ казнѣ болѣе, чѣмъ ограниченный доходъ, не достигающій и 150.000 руб. въ годъ. Конечно, Туркестанскіе лѣса, въ виду ихъ особенностей, нельзя сравнивать съ нашими русскими лѣсами, но все же доходность ихъ могла бы быть весьма значительно поднята. Въ этомъ отношеніи серьезнымъ препятствіемъ всегда являлась крайняя малочисленность лѣсныхъ чиновъ и лѣсной стражи, а также необезпеченность ихъ быта. Между тѣмъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что экономія въ необходимыхъ расходахъ по эксплоатаціи государственныхъ богатствъ приноситъ лишь убытокъ, мало того, влечетъ къ гибели достояніе, которое могло бы быть источникомъ непрекращающихся доходовъ и крайне необходимо для всего населенія края.

Такимъ образомъ, подводя итоги изложенному выше, слѣдуетъ указать, что главными изъ предстоящихъ задачъ нашихъ въ Туркестанѣ, являются слѣдующія:

1) Упорядоченіе поземельно-податного дѣла осѣдлаго

населенія. По ВЫСОЧАЙШЕ одобренному положенію Совѣта Министровъ веденіе этого дѣла подвергалось въ послѣднее время нѣкоторому измѣненію. 1) Въ составъ поземельно-податныхъ комиссій и присутствій, сверхъ участвующихъ въ нихъ завѣдывающихъ государственными имуществами въ уѣздахъ, включены особые представители Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія, по назначенію Главноуправляющаго, съ правомъ рѣшающаго голоса и предоставленіемъ имъ, а равно и завѣдывающимъ государственными имуществами въ уѣздахъ, въ случаѣ несогласія съ заключеніями поземельно-податныхъ комиссій или присутствій, переносить вызвавшее разногласіе дѣло на рѣшеніе областного правленія. 2) Туркестанскому Генералъ-Губернатору предоставлено преподать въ порядкѣ надзора за поземельно-податнымъ дѣломъ въ Туркестанскомъ краѣ: а) что укрѣпленію за туземнымъ населеніемъ подлежатъ лишь земли, находящіяся въ постоянномъ потомственномъ владѣніи, пользованіи и распоряженіи тѣхъ лицъ, за коими они укрѣпляются, и что для замежеванія земель за кочевниками, переходящими къ осѣдлости, помимо указаннаго выше условія, непремѣнно требуется наличность обработки этихъ земель, б) что дикорастущіе лѣса представляютъ государственную собственность въ смыслѣ недвижимаго имущества, т.-е. вмѣстѣ съ занятыми лѣсомъ землями, а отнюдь не въ смыслѣ отдѣльныхъ отъ почвы насажденій, в) что при разсмотрѣніи и утвержденіи въ областныхъ правленіяхъ предположеній поземельно-податныхъ установленій должны быть приглашаемы въ засѣданія правленій представители Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія, по назначенію Главноуправляющаго, съ правомъ совѣщательнаго голоса, г) что опредѣленія областныхъ правленій объ утвержденіи податныхъ разсчетовъ получаютъ законную силу лишь по утвержденіи Генералъ-Губернаторомъ вѣдомости о суммѣ государственнаго земельнаго налога и д) что въ силу этого положенія Генералъ-Губернатору принадлежитъ право входить въ разсмотрѣніе всѣхъ утвержденныхъ областными правленіями податныхъ разсчетовъ и, въ случаѣ признанія таковыхъ, въ какой-либо части, неправиль-

ными, возвращать ихъ для пересмотра и исправленія по его указаніямъ.

Необходимо, однако, всемѣрно ускорить дѣло поземельно-податного устройства, чтобы громадныя площади государственныхъ земель, изъ-за неопредѣленности своего юридическаго положенія, не „выходили изъ службы“ въ народномъ и государственномъ хозяйствѣ.

2) Разъясненіе ст. 270 Туркест. Положенія примѣчаніемъ, дающимъ право государству использовать излишки землепользованія кочевниковъ, а также устройство ихъ по земледѣльческимъ нормамъ въ тѣхъ районахъ, гдѣ они уже перешли къ земледѣлію.

3) Урегулированіе водныхъ запасовъ въ краѣ и упорядоченіе водопользованія. Выработка воднаго закона, который долженъ утвердить верховное право государства на воду и фиксировать права населенія на извѣстное количество влаги.

4) Измѣненіе порядка колонизаціи Туркестана для созданія на богатой окраинѣ, являющейся къ тому же однимъ изъ боевыхъ фронтовъ государства, хозяйственно-крѣпкаго русскаго населенія.

5) Реформа податного обложенія какъ кочевого, такъ и осѣдлаго населенія.

Вотъ тѣ самые существенные вопросы, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ будущее такъ дорого обошедшейся намъ окраины. Безспорно, дѣло предстоитъ весьма трудное, но послѣ страшныхъ уроковъ исторіи, передъ лицомъ, можетъ быть, смертельной опасности, мы не имѣемъ права забывать, что мы—великій народъ, и что не для малыхъ дѣлъ создалась Великая Россія.

Г. Логановъ.

Библіотека Г. У. З. и З.

Основныя положенія землеустройства киргизъ въ Акмолинской области *).

Въ предшествующемъ номерѣ (3) „Вопросовъ Колонизаціи“, въ статьѣ одноименнаго названія, я доказывалъ необходимость работы по отводу въ Акмолинской области земель для переселенцевъ и иныхъ государственныхъ надобностей вести въ дальнѣйшемъ не иначе, какъ съ одновременнымъ землеустройствомъ киргизъ. Въ качествѣ основныхъ положеній такого землеустройства я выдвинулъ слѣдующія: землеустройство должно быть пріурочено, по возможности, къ территоріи отдѣльной киргизской волости и должно быть сплошнымъ, распространяясь на всѣ хозяйства волости; необходимый земельный минимумъ, отводимый отдѣльному хозяйственному аулу или группѣ въ надѣлъ для обезпеченія земледѣльческаго или скотоводческаго хозяйства киргизъ, поступаетъ въ пользованіе послѣднихъ на основаніяхъ, прилагаемыхъ къ образованію переселенческихъ участковъ и сохраняется за киргизами впредь до окончательнаго землеустройства всего осѣдлаго населенія края на тѣхъ же началахъ, какъ за переселенцами ихъ надѣлы; для обезпеченія хозяйствъ, еще не созрѣвшихъ для перехода къ земледѣлію, вмѣстѣ съ отводомъ постояннаго надѣла, оставляется во временномъ пользованіи киргизъ, на особыхъ условіяхъ, также и потребная для удовлетворенія ихъ настоящихъ скотоводческихъ потребностей норма земли. Въ настоящей статьѣ я желаю подробно изложить намѣченную схему землеустройства киргизъ, иллюстрируя ее нижепомѣщеннымъ чертежомъ.

Схематическій чертежъ землеустройства слагается изъ двухъ частей—одной, на восковкѣ, изображающей примѣрное

*) „Вопросы колонизаціи“, № 3, стр. 108—120.